

Ресурсное обеспечение мультикультурного обслуживания полиэтнического населения

(Обзор отечественной и иностранной литературы, 1999-2004 гг.)

Содержание

1. Постановка проблемы сосуществования множественности культур в современном обществе. Определение, терминология, дискурсы (толкования) терминологии, уровни рассмотрения проблемы мультикультурализма
2. Основные типы межкультурных отношений (сотрудничество, взаимовлияние, противостояние, сохранение самобытности, ассимиляция)
3. Регламентация деятельности в области культурных взаимодействий
4. Мультикультурное обслуживание полиэтнического населения за рубежом
5. Мультикультурное обслуживание полиэтнического населения в России
6. Список использованной литературы

Постановка проблемы сосуществования множественности культур в современном обществе. Определение, терминология, дискурсы (толкования) терминологии, уровни рассмотрения проблемы мультикультурализма

Вопрос сосуществования множественности культур, разнородных, непохожих друг на друга, по-разному воспринимающих события мировой и местной истории является в современном мире как никогда более актуальным.

Во-первых, это имеет существенное значение для государств, охваченных процессами глобализации, создания экономических, политических, культурных “континентальных” союзов и межгосударственных объединений, наиболее ярким примером которых может служить Европейский союз. Многочисленные культурологи, политологи, юристы и социологи отмечают, что данный процесс “укрупнения”, с одной стороны, ведет к утрате существовавших ранее ориентиров национальной идентичности, а с другой стороны, он заставляет осмысливать и обретать ее уже в совсем новом качестве как на личном, так и на государственном уровнях.

Во-вторых, обилие социальных преобразований, потрясших мир в кон.1980-сер.1990-х, локальных военных конфликтов, приведших к образованию качественно новых государств на постсоциалистическом* политическом пространстве, вызвало к жизни дополнительный интерес к национальному самосознанию. Очень часто теперешние лидеры этих государств, выдвигаясь на волне процессов национального возрождения и будучи впоследствии поставленными перед задачами реконструкции общественно-экономических структур, претерпевавших серьезные испытания как переменой общественного строя с переделом прав собственности, так и всемирным экономическим кризисом начала 1990-х, не уделяли особого внимания отношениям небольших этнических общностей внутри своих государств, которые в изменившихся условиях, после получения независимости, особенно обострились.

В-третьих, вышеупомянутые общественные процессы и эволюционный ход развития оказали свое влияние и на страны “третьего” мира. Уверенно занял свое место в числе развитых стран мира Китай и готовится войти в это сообщество также и Индия; наблюдается влияние на мировую политику и культуру таких государств как

“малые азиатские тигры” – Корея, Малайзия, Таиланд; в начале 1990-х были все основания называть Бразилию “поднимающимся гигантом”. Из стран, принятых под названием развивающихся, в мир привносятся не только сырье, товары, услуги и предложения использования дешевой рабочей силы. Экспортируются также политика и идеи, не всегда приемлемые для господствующей ныне западно-христианской цивилизации, иногда даже откровенно экстремистского толка (праворадикальный исламский фундаментализм), незнание корней которых может привести к серьезным политическим ошибкам и далеко идущим последствиям даже для современных развитых государств.

В-четвертых, революция в сфере средств связи и транспорта, перемены в системе получения виз и приглашений в значительной степени сократили расстояния между государствами во всех отношениях и облегчили условия эмиграции/иммиграции в зависимости от желания как индивидов, предлагающих свои услуги на мировом рынке труда, так и стран, востребующих рабочую силу. Перед правительствами стран, принимающих иммигрантов у себя, возникают следующие задачи. С одной стороны, иммигранты (по преимуществу избирающие в качестве приложения своих возможностей страны, бывшие в колониальный период метрополиями по отношению к их исторической родине) испытывают самый разнообразный диапазон затруднений личного порядка – от культурных до юридических – во время своего пребывания в инокультурной среде и ощущают по меньшей мере отчуждение по отношению к “иной”, западной цивилизации. С другой стороны, государство стоит перед серьезной проблемой адекватного восприятия гражданами “титულიной” нации иноязычного конгломерата трудовых мигрантов, беженцев и постоянно проживающих лиц без гражданства.

Эти проблемы теперь значимы для почти всех 200 государств мира, на территории которых проживает ок.3500 наций и народностей. По свидетельству канд. юрид. наук Н.В.Кокшарова (37), в настоящее время можно говорить только о двух сравнительно гомогенных государствах – Исландии, в силу ее географического положения удаленной от мировых транспортных путей, и высокогорной Армении.

Пик публикаций по осмыслению взаимодействия различных культур, по мирному и немирному совместному сосуществованию, по тому, что современные исследователи именуют – “мультикультурализм” (“пафос стремления к равноправию различных культур, а также модели их равноправного существования в противовес модели гегемонии одной культуры (21,с.39) пришелся, по свидетельству отечественных ученых, на 1990-е годы и это совсем случайностью не является.

Как пишет Е.В.Никонорова, директор по научной и издательской деятельности Российской государственной библиотеки: “...в 1981г. в ведущих американских массовых изданиях он (*этот термин – прим. Н.Г.*) встречается 41 раз, а в 1992г. этот термин был употреблен в соответствующем контексте 2 тыс. раз.”(97)

Прежде всего, вызовы эпохи, о которых мы уже писали ранее, в этот период времени обозначились уже со всей определенностью, но предлагаемые и/или воплощаемые в жизнь проекты решения национальных вопросов уже стали обнаруживать свое прекраснотупие и утопичность. На смену декларированному “пролетарскому интернационализму” на постсоциалистическом политическом пространстве – а, по сути, продолжению традиционного отношения к решению национального вопроса – без учета изменившейся ситуации в мире, не пришло никакой иной конструктивной концепции со стороны и “новых” и “старых” правительств. Между тем уже был накоплен и положительный и отрицательный опыт мирного и разумного сосуществования культур в таких полиэтнических странах как

Канада и Австралия – как концепции общегосударственной политики на социальном, юридическом и культурном уровнях.

Вызов межэтнических отношений представляет особое значение для России. Это обусловлено, прежде всего, ее историческим прошлым – традиционно на территории страны проживало более 150 народностей, и относительно спокойно уживались представители основных мировых религий: христианства восточного и западного, ислама, буддизма, иудаизма. Россия обязана также пестроте своего этнического населения географическим евразийским положением на пересечении мировых транспортных артерий; распад Советского Союза и создание независимых государств (подчас более экономически и политически слабых, чем в их качестве пребывания социалистическими республиками в составе СССР) привел к миграции больших масс населения в поисках заработков на территорию России. Усилился поток беженцев вследствие парада суверенитетов и политики “выдавливания чужаков на историческую родину” даже в автономных республиках самой Российской Федерации. Упрощение визовых процедур въезда, выезда и регистрации, возможности заработков на всей территории страны сделало привлекательным российское гражданство для подданных перенаселенного Китая, проблемной Северной Кореи, прифронтового Афганистана; как отмечает ряд современных обществоведов и этнологов, все эти люди рассматривают нашу страну как место постоянного проживания.

Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1999 г. состоялась при поддержке фонда Карнеги научно-практическая конференция, посвященная проблемам решения межэтнических отношений на постсоветском культурном пространстве. Ее итогом стала публикация сборника “Мультикультурализм и трансформация постсоветских сообществ”(21), затрагивающий теоретические, методологические и юридические аспекты трансформаций в области решения национального вопроса на постсоциалистическом жизненном пространстве.

Всякому научному спору предшествует установление категорий, в которых производятся споры. Прежде всего В.С.Малахов, старший научный сотрудник Института философии РАН и В.А.Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН обращают внимание на то, что в широких общественных дискуссиях термин “мультикультурализм” вовсе не является общеупотребительным. “Он не применяется ни в качестве обозначения культурного разнообразия общества, ни в качестве обозначения политики, направленной на поощрение культурного разнообразия общества, ни в качестве обозначения политики, направление на поощрение культурного разнообразия общества – очевидно, в силу отсутствия такой политики.” (21, с 5.)

Это связано с тем, что определенная невнятность самого понятия “мультикультурализма”, вызывающее большие сложности его применения в научной и общественной дискуссии. Прежде всего, характерно смешение разных уровней понимания этой категории – как реальной ситуации в обществе, практической политики и теории управления, как научной конструкции, как публичной дискуссии.

По мнению вышеупомянутых исследователей, понятие “мультикультурализм” является всего лишь попыткой нового отношения к старым проблемам. Речь идет всего о переименовании процессов, которые с 1960-х годов связывались с понятиями “национального возрождения”. Понятие “культура” представляется значительно более широкой, более мягкой и более неопределенной формулой, чем “этничность” для обозначения конфликтогенов своего времени. При этом игнорируются проблемы структуры современного общества; выдвигание на первый план проблем именно культур, приверженцы мультикультурализма идут либо по пути романтизации и

морализации общественной реальности, либо отказываются полностью от аналитической строгости.

Социологи неоднократно говорили о методологических несообразностях, связанных с понятиями “мультикультурализма” и “мультикультурного общества”. Что значит “мультикультурное” государство? Культура – это система символов, характерная для данного общества и кодифицированная в институтах общества; поэтому наличие в одном *обществе* является проблематичным наличие *множества* культур. ”Если различные социальные группы выступают носителями особых, самостоятельных культур, то не будет ли более правомерным вести речь не о многокультурности общества, а о сосуществовании внутри государства различных сообществ.” Исследователь отмечает, что в реальной практике это либо ведет к закреплению, предоставляя социальным группам позицию почетных носителей культуры, либо компрометирует пафос равенства культур, создавая и закрепляя преимущественные доведенные до абсурда адаптационные права (США), либо усилят традиционные представления о национальном государстве (Франция, не признающая существования в обществе иных культур, кроме французских).

Кроме того, В.Малахов полагает неактуальность вопроса мультикультурности для современной России. Безусловно, сейчас трактовать культурное будущее её как “русско-православной страны” близоруко и даже небезопасно в идеологическом отношении. Разумеется, в дальнейшем разнообразие национальной иммиграции в страну будет только возрастать, и представляется обоюдоострым как для роста шовинистических настроений великорусского большинства в стране, так и для “превентивного” национализма малых этнических групп. Следует заметить, что иммиграция в Россию качественно отличается от иммиграции в страны западной цивилизации: культурная дистанция между местным населением и мигрантами значительно меньше, чем в Западной Европе или Америке. Кроме того, мигрантами становится наиболее мобильная часть населения, с повышенным уровнем приспособляемости, которая сумела адаптироваться еще в позднесоветское время.

Немецкий ученый Ф.– О.Радтке проводит аналогии между эволюцией понятия “мультикультурализма” и “классового общества”. Подобно тому, как термин “классового общества” впоследствии породил производные от него “индустриальное общество”, “гражданское общество”, “информационное общество”, “общество потребления”, “общество риска”, так и термин “мультикультурное общество”, потеснивший вытеснившие старые понятия “расы”, “культурного плюрализма”, “культурная идентичность”, “культурный конфликт”, может привнести новую семантику самоописания современных и новейших сообществ. “Отвлекаясь от полемики между реализмом и номинализмом о соотношении описания социальной действительности и самой этой действительности, можно сказать следующее : «то, что “реально” в феномене “мультикультурного общества, это “мультикультурализм”, т.е. хронологически и географически локализуемая форма публичного говорения и письма по поводу реальности, опирающаяся на понятие “культура” как на средство дифференциации общества.” Дифференциация производится, чтобы фиксировать, как существующим национальным государствам, разграничивающим население того или иного региона путем властных усилий и посредством права удастся законодательно закрепить это положение. Но явная и тайная, вольная и невольная миграция самим фактом своего существования ставит под сомнение стабильный порядок этнического или расового разделения.

“Начиная с 1960-х-1970-х годов термин “культура” снова используется в различных регионах западного мира различными субъектами в различных целях в качестве средства разделения: учеными-наблюдателями общества (философами и политологами), профессиональными общественными работниками (педагогами и их подопечными), политическими авторами

(представителями правительств и активистами движения меньшинств).” (21, с . 104)

Так же, как и В.С.Малахов, его немецкий коллега говорит о неупотреблении термина “мультикультурализма” в качестве строго научного, социологического термина. Во-первых, это было бы неподъемным гносеологическим бременем для социологии; во-вторых, основной задачей социологии вовсе не является выдача нормативных определений на основании достаточно разнородных статистико-социологических данных. Наконец, в третьих, речь идет о термине с ничтожно коротким – приблизительно в два десятилетия – сроком существования – что вовсе не является серьезным временем для кристаллизации научного термина.

В.Воронков, директор Центра Независимых Социологических Исследований (Санкт-Петербург), соглашаясь с позициями В.М.Малахова и В.С.Тишкова, утверждает, что на анализ “мультикультурной” ситуации влияет также социальное положение критика: с точки зрения высшего и среднего слоев общества, с позиции низших классов и адаптированных/неинтегрированных мигрантов. В политическом смысле слова “мультикультурализм” воспринимается либо “как нисходящая стратегия (*в оригинале top-down – Н.Г.*)....делающей ставку на толерантность как на средство восстановления справедливости в сфере коммуникации и воспитания и надеющейся добиться социальной интеграции путем убеждения; либо же “мультикультурализм” выступает в качестве как восходящая снизу (*в оригинале bottom-up – Н.Г.*) стратегия, преследуемой этническими сообществами для мобилизации своих членов, если последние считают себя дискриминированными или опасаются утраты статуса или привилегированного доступа к общественным и материальным благам.” (21, с.105). В качестве примера первого типа мультикультурализма называется Канада, Австралия и Западная Европа, располагающие историей длительной борьбы и последующих сложных отношений с аборигенным населением.

В настоящее время эти государства сталкиваются с тем, что политические системы этих стран, при видимой опоре на демократические ценности, могут быть обвинены в этноцентризме: выходцам из экс-колоний реально не предоставляется тех же возможностей построения карьеры и социального роста, что и жителям “метрополии”. Концепция мультикультурализма призвана сократить разрывы этих возможностей и служить балансу разнонаправленных интересов, в данном случае этнических.

В случае США мультикультурализм был своего рода ответом выходцев из Юго-Восточной Европы на борьбу за “равенство в гражданских правах” черного населения страны. На сегодня, по мнению Ф. – О. Радтке, это своего рода разделительная черта относительно распределения гражданских прав, наряду с медиумами по половой (гендерной) принадлежности и сексуальной ориентации.

В случае Австралии “мультикультурализм” был частью политики правительства страны по смягчению расизма белого населения по отношению к туземной расе. Дальней целью ставилось привлечение в страну дополнительной рабочей силы в виде потока мигрантов из Азии.

Политика канадского правительства была направлена на сохранение целостности страны, гражданской адаптации склонных к сепаратизму франкофонных

регионов страны (Квебек), сохранению легитимной привлекательности для азиатских и восточноевропейских мигрантов, а также сохранение социально-этнического статуса потомков англоязычных первопоселенцев страны.

В Западной Европе экс-метрополии, в том числе и “консервативная” Франция, и “запоздавшая” Германия рассматривают политику “мультикультурализма” на свой лад – как справиться с нежелательным въездом в страну.

Дефинируются сразу несколько ситуаций, когда возникает потребность в мультикультурализме. Общий же его вывод таков – “мультикультурализм есть не что иное, как программа, основанная на моральных нормах политической философии и направленная на решение проблемы справедливости и урегулирование конфликтов, программа, возникающая из реакции национального государства на кризис национального государства в конце XX столетия. Общество предстает при этом как состоящее из отдельных этнических /культурных сегментов или из индивидов и групп, дефинирующих себя в этнических/культурных терминах и принадлежащих, в зависимости от характера проведения границ, к меньшинствам или к большинству. Решение этой проблемы, как это всегда бывает, когда затрагивается мораль, ищут в плоскости педагогики: индивиды/группы должны научиться совместному существованию в модусе толерантности в условиях одновременного присутствия различных культур в рамках одного национального государства или содружества государств. Моделью в данном случае может служить государственный “мультикультурализм”, который не просто описывает status quo вместо того, чтобы решать описываемую проблему, он представляет собой политический инструмент, призванный преодолеть социальный беспорядок и дезинтеграцию, а также обеспечить внутренний мир посредством установления режима толерантности.”(21, с.108-109)

В.Воронков писал о том, что, создавая разнообразные модели развития мультикультурного общества остается открытым вопрос, как в практическом смысле строить интеграцию меньшинств в доминирующие культуры и какие методы при этом использовать. В подобных дискурсах реальные сведения о мигрантах отсутствуют; чаще всего также и из-за реального положения мигрантов в обществе: а) их положение не всегда регистрируется официально, вследствие чего затруднены получение сведений, б) само их количество не всегда постоянно. “Я бы отметил преимущественно спекулятивный характер дискуссии в целом.”(Малахов.с.39) По его мнению, еще обществоведы СССР десятилетиями обсуждали проблемы мультикультурализма. “Есть основания назвать СССР страной победившего мультикультурализма.”(21, с.39) Этнические границы в эту эпоху не только ориентировали на проведение национальной политики (“интернационализм”, “дружба народов”), но и были “доведены до логического предела”. Он, напротив, в отличие от В.А.Тишкова, полагает, что разделение по национальному признаку, при привязке к территории институтом “прописки» (регистрации), а, следовательно, и к ресурсам, правам стало превалировать над всем прочим: пространство было административно поделено, в зависимости от степени “значимости” того или иного народа. Принадлежность к культуре, этничность не были самоидентификацией, но “государевым делом и словом”. Тут явственно оказывал себя основной недостаток “мультикультурализма” – наличие легитимированных преференций и квот для представителей определенных групп. Подобная политика снижает уровень соревновательности для меньшинств, охваченных льготами; и возникает невольная дискриминация сильных. Вместе с тем В.Воронков отмечает, что политика мультикультурализма имеет значение как “временное сильное лекарство против устоявшихся расистских установок и практик”. Но длительное его применение

приводит к передозировке; именно в этом он видит причину этнизации всех конфликтов на территории России. Тем более что теперешнюю ситуацию он квалифицирует как кризисную. Нарочитая декларативность в официальной публичной сфере вела к крайне поверхностному усвоению культуры народностей; а при возникновении конкуренции на рынке труда и жилья произошло мгновенное вымывание поверхностных симпатий (на примере кавказофобии).

Восприятию границ этнического в российском обществе может способствовать известная типология мультикультурных обществ, предложенная в зависимости от соотношения политики государства в публичной и приватной сферах Дж. Рексом:

1. Политика унитаризма в публичной сфере при сохранении разнообразия в приватной;
2. Политика унитаризма в публичной сфере при поощрении единства культурных практик в приватной сфере (французская модель ассимиляции мигрантов);
3. Разнообразие и различие прав в публичной сфере, поддержка разнообразия культурных практик в группах (типичная модель колониализма, апартеид);
4. Разнообразие и различие прав в публичной сфере, формирование одинаковых практик в приватной сфере (американская модель до начал борьбы за права негров).

Специфику российской ситуации исследователь видит в том, что вследствие советской политики в самом начале модернизации восторжествовали сразу две модели мультикультурализма: “типично колониальной на уровне страны в целом и прежней американской модели для городского населения”(21). Ныне восторжествовала американская модель мультикультурализма, предполагающая дифференцированные права в публичном пространстве и одинаковые практики в приватном. Во многом этничность приписывалась государством и играла не особенно существенную роль в жизни городских жителей страны. Речь идет скорее об адаптации отдельных социальных групп к жизни в изменившихся условиях – выходцев из сельской местности в городе, представителей нарождающегося “среднего класса” в среде, не всегда к ним дружелюбной. Именно они и создают этнические сообщества, в первом случае неформальные, а во втором – скорее клуб по общим интересам и средство интеграции в среду. Парадоксально, но наблюдается их дистанцирование от своих новоприбывших соплеменников – первые ставят по главу угла дружески-земляческие связи, вторые отмежевываются от “новых” поскольку это может повредить их репутации. В принципе, общественное и государственное педалирование вопросов этничности, могут вызвать настороженность граждан: почти всегда в российских условиях это выступало как попытка государства влезть в их частную жизнь.

“Я поддерживал бы противоположную стратегию деконструкции, демифологизации культурных границ. На примере этнических границ ...можно видеть, как консервативна общественная наука, как противоречивы установки самих социологов. Многие из нас готовы принять те глобальные радикальные изменения в обществе, которые заставляют пересмотреть традиционные ценности. Однако нерушимость внутренних границ нам страшно подвергнуть сомнению. И если социолог (или этнолог) не обязан стремиться “воспитывать” общество, то отказаться от многих от многих ранее сконструированных ранее якобы аксиоматических представлений – его долг перед научным сообществом. Действительно ли, например,

столь ценно сохранение исчезающих культур или поддержка культур “слабых”? Не тормозит ли глобализационные процессы поддержка публичных представлений о культурных границах? Не пора ли исследователям постепенно отказаться от этнической терминологии при объяснении социальных процессов, подобно тому, как они отказались от расовых понятий?” (21, с. 46)

По мнению В.А.Тишкова, можно выделить три уровня или сферы применения термина:

- уровень демографического (декриптивного) использования, когда именем “мультикультурализм” называют общества со сложным этнодемографическим профилем;

- идеологическая (нормативная) сфера, в которой определяются концепты и установки, что есть мультикультурализм., помимо простой констатации того факта, что есть государства и/или со сложной этнической структурой,

- политическая сфера, или область программирования, посредством которых идеология и желаемая нормативность должна реализоваться в целенаправленные коллективные действия.

“Другими словами, мультикультурализм –это не просто процедура эмпирического установления и признания в том или ином обществе или государстве наличия культурных различий у разных групп населения”. Хотя последнее может показаться и странностью россиянам, но есть множество государств, где отрицается сама многонациональность на официальном уровне как несовместимая с доктриной государства и обеспечением сплоченности общества.

“Мультикультурализм есть также определенная концептуальная позиция в сфере политической философии и этики, которые могут воплощаться в правовых нормах, отражаться в характере общественных институтов и повседневной жизни людей. Главное во всем этом – как цель, обеспечить поддержку культурной специфики и возможность индивидуумов и групп полноправно участвовать во всех сферах общественной жизни от экономики до культуры”.

Все эти уровни требуют своих исследовательских подходов. Можно выделить социологический, социально-антропологический и политическо-философский уровни. Социологический подход выявляет то, как именно функционирует общество, как в нем производится, воспринимаются и преобразовываются этнокультурные различия. Этнологи, использующих социально-антропологический подход, изучают функционирование культурных систем, состояние этнического бытия на групповом и индивидуальном уровне то, какие могут вытекать из этого запросы и культурные стратегии. Политико-философский ракурс дает возможность рассмотреть преимущества и ограничители правовых и политических действий в сфере обеспечения культурного многообразия и управления сложным образом. Мультикультурализм в этом ракурсе видится не как проблема, а скорее как ответ. Это – ответ о благе, о моральности и желательной перспективе для того или иного общества.

Ни Российская империя, ни СССР, ни Российская Федерация, по мнению исследователя, никогда не брали на вооружение доктрину гражданского националстроительства, и в разное время общая идентичность жителей страны обеспечивалась сначала подданством царю, православием, а впоследствии советским патриотизмом. “В СССР “многонациональность” и “дружба народов” были одними из визитных карточек страны, а в реальной политике советского времени “национальная форма социалистической культуры” была той же самой политикой мультикультурализма, только это называлось по-другому”.

Несмотря на издержки, ограничения и даже преступления в советской национальной политике, в СССР велась политика поддержки, признания и спонсирования не только многообразия национальных культур, но и социально-экономической и политической сферах. Строй, испытывавший затруднения в хозяйственном обустройстве страны, социальном обеспечении и политических свободах, тратил огромные ресурсы (материальные, эмоциональные и пропагандистские) на развитие культуры и образования. И, несмотря на перекося, нельзя отрицать, что это были огромные достижения: в Советском Союзе не исчезла ни одна малая национальная культура и сохранилась вся культурная картина страны, в то время как на земле исчезли множество малых культур в других регионах мира.

Россия не уникальна с точки зрения многообразия культур. “Другое дело, что в России существует своя особенность, связанная с приданием чрезмерной значимости этнокультурному фактору в обществе. <...>В России институализация этнокультурного фактора огромна, вплоть до государственно-административного устройства Советского Союза и отчасти России” (21, с.347). Необходимо соотнести культурную партикулярность с гражданским обществом, с государством и с управлением им.

Мультикультурализм может помочь совершить переход в российском обществе от формулы многонационального народа к направлению признаний схожести и культурной однородности гражданского общества. В раннем, традиционном понимании (канадо-австралийским в 70-х) мультикультурализм может в России навредить, закрепив “и без того излишнее деление населения на группы”, определенным образом фиксируя социальные положения и естественную смену культурных идентичностей.

Как говорил в свое время выдающийся русский писатель Ю.В.Трифонов, важно иногда не то, что делается, а с каким выражением лица осуществляются эти действия. В последние годы мы хорошо узнали, что же такое культура, и какова ее роль этой формы деятельности в эволюции человечества. “Понимание культуры как сложного феномена, понятие гибридности культуры, т.е. представление об отсутствии жесткой культурной нормы, а также жестких культурных комплексов –это одна из интереснейших новаций, с точки зрения которой нужно смотреть на нашу собственную действительность”. Если идти по линии восстановления – часто воображаемой и по-разному понимаемой – культурной нормы, отвергая гомогенность, то это приводит к созданию, порой искусственному, образов “злодейских героев”, например, кавказских народов. Если слишком придавать исключительное значение культуре, “ее много не бывает”, то это опасно методологически. Сам же по себе мультикультурализм помогает малым культурам, добавляя им возможностей рядом с доминирующей в обществе культурой; но при ограниченных ресурсах и при этноцентристском управлении доминирующая культура может быть принесена в жертву местной культурной специфике. В конечном итоге мультикультурализм рассматривается не как простая констатация факта положения национальных групп в обществе, а осмысливается как эффективный инструментальный по преодолению социальной дезинтеграции и по обеспечению внутреннего мира в обществе.

Выводы:

1. Понятие “мультикультурализма” является понятием новым и принято к употреблению вовсе не всеми представителями современной науки в области этнологии, антропологии, этнографии, социологии. В основном этим словом обозначают политическое и культурное стремление к действительному равенству

представителей разнообразных групп мигрантов на территории, оформленное/оформляющееся законодательно.

2. Толкование его затруднено в связи с многообразием дискурсов, зависящих как от социальной позиции респондента, так и от “застарелости” традиционных научных обществоведческих знаний. Немалый вклад, по мнению В.А.Тишкова, внес широко издававшийся поток “паранаучной” литературы, предлагающей весьма вольное толкование исторических и социальных процессов.

3. Нет единого мнения в вопросе о том, необходим ли мультикультурализм России и постсоциалистическому культурному пространству. В.А. Тишков полагает, что вопрос обретения концепции мультикультурализма как государственной политики может касаться отдельных его корректив, внесенных развитием общества и культурологических исследований: в сущности политика Российской империи, СССР и Российской Федерации была исторически преемственна в национальной вопросе и привела в итоге к сохранению и преумножению культурного многообразия страны. По мнению В.С. Малахова, “если отказаться от проблематичного термина и можно, то отказаться от мероприятий по *организации общежития в условиях культурного плюрализма* нельзя. Культурное различие есть конститутивный момент демократического общества. Поэтому вопрос не в том, поощрять или не поощрять культурное разнообразие, а в формах этого поощрения.”(21, с.59). В.Воронков видит в этом средство возможного вмешательства государства в частную жизнь его членов при российской исторической специфике, с одной стороны, с другой, – предлагает идти по линии деконструкции культурно-исторических границ, без излишнего педалирования национального вопроса.

Основные типы межкультурных отношений (сотрудничество, взаимовлияние, противостояние, сохранение самобытности, ассимиляция)

Прежде всего, хотелось бы отметить разноуровневый, сложный и отмеченный достаточным разнообразием характер межнациональных отношений. Межгосударственные отношения регулируются законодательством в области экономики, международного права и в рамках взаимодействия культур. Отношения наций внутри отдельного государства можно рассматривать с позиций исторических, политико-концептуальных, юридических, с точки зрения различных социальных групп, которые оценивают общественную ситуацию, с позиций отдельных этнических общин и проч.

Историю правового регулирования отношений с инокультурными общинами можно проследить до XV11 столетия; права меньшинствам прослеживаются еще по материалам Венского конгресса, соглашения которого подписали в 1815 году Россия и 6 государств Европы. При этом страны-участницы давали гарантии соблюдения прав поляков, проживавших на территориях их государств. Изучая историю регулирования прав национальных меньшинств в странах Европы, Северной Америки и Австралии, Н.В.Кокшаров, старший научный сотрудник Санкт-петербургского филиала Российской таможенной академии приходит к выводу, что нет единых рецептов, обеспечивающих в мультиэтнических обществах решения этнокультурных проблем; при всем разнообразии подходов, тем не менее Комиссия по культуре и искусству ЮНЕСКО поддержала мультикультуралистский подход Канады как возможную модель для других государств. “Парадокс развития Канады заключается в том, что она достигает единства через многообразие. В Канаде ни одна из ста этнических групп не составляет большинства населения страны.”(37, с.25) Исследователем прослеживается

определенная закономерность – чем далее на восток Европы, тем полнее учитываются права национальных меньшинств (за исключением, разве что Польши, которая только в настоящий период уже разрабатывает законодательство, учитывающее интересы всех этнических групп в стране.) Возможно, ответ на этот вопрос заключается в том, что именно австрийским социал-демократами – а именно Австрия является сердцем Европы и в начале XX столетия представляла собой пестрый этнический конгломерат – были предложен новый методологический принцип защиты прав национальных меньшинств. Он предполагал заменить патерналистско-либеральную охрану меньшинств и общин признанием их коллективными субъектами права. При этом источниками и носителями права должны стать не территории, а сами нации, вернее, национальные союзы, создаваемые по инициативе граждан. “Реальные права национальных меньшинств, вне зависимости от численности и обладания компактной территорией проживания, если они будут оформлены во внутерриториальные союзы, станут субъектами, а не объектами права, и будут представлять перед государством и защищать свои национально-культурные, языковые и религиозные интересы.”(37)

Современная юридическая наука трактует их специфически – права меньшинств не сводятся ни к правам индивида, ни правам большинства. “Но и права индивида и права большинства не растворимы в правах национальных меньшинств. По мнению Кэрол Нагенает, “групповые права могут в определенных контекстах выступать в качестве средства. Обеспечивающего уважение к правам человека, но при возникновении противоречия между ними предпочтение отдается правам человека” (37, с.6).

ООН представляет несколько подходов к положению национальных меньшинств:

1. Ассимиляция базируется на идее превосходства доминирующей культуры, гомогенности страны за счет отказа от многообразия культу в пользу доминирующей.
2. Интеграция постулирует процесс, в котором многообразие элементов культуры комбинируется в единство, удерживая базовую идентичность.
3. Плюрализм является политикой, которая направлена на объединение различных этнических групп, проповедует уважение и равенство.
4. Сегрегация – это политика, базирующаяся на убеждение в превосходстве доминирующей культуры при сохранении некоторых этнических групп в обособленном, несмешанном виде, но в иерархической позиции.”(19, с. 20)

Уровень цивилизованности общества определяется готовностью и желанием защитить и реально гарантировать права всех этнических общностей. Воплотить политику сохранения и предоставления равенства прав для национальных меньшинств можно в формах автономии: *территориальной*, при компактном расселении меньшинства на определенной территории; *корпоративной*, когда автономия не обозначена территориально, но представляет интересы юридически признанной этнической группы на общегосударственном уровне (как, например, в Австрии и Финляндии) и *культурной*, когда отдельные граждане определенной национальности объединяются для решения задач по большей части в сфере культуры и образования.

Общими принципами решения вопроса автономий должны основываться на выполнении следующих условий:

– меньшинствам следует располагать теми же гражданскими, политическими и культурными правами, что и преобладающий, титульный этнос;

– меньшинствам следует располагать условиями, сохраняющими язык, культуру, религию, подчас с предоставлением преференций и льгот;

– государству следует не допускать этнических конфликтов в стране, военного решения спорных вопросов, а ориентироваться на диалог и поиск путей мирного сосуществования различных групп в обществе. (19, с. 37)

Для защиты национальных меньшинств при ООН существует специальный орган – Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. В 111 проекте Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказания за него были названы следующие действия, которые считают образующими преступление “культурного геноцида”:

“1. Запрещение пользоваться национальным языком группы в повседневной жизни или школы и запрещение печатания и распространения изданий на языке такой группы.

2. Уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для отправления религиозных культов, или других культурных зданий и предметов культуры такой группы, а также нарушение пользования таковыми”.

(29, С.20).”

В практической политической деятельности встречаются и мультикультуралистские практики, и “этническая демократия”, сохраняющая все черты патерналистского либерального подхода, и жесткое непризнание инокультурных меньшинств в обществе.

При изучении документального потока следует обратить внимание на то, что условно публикации на темы межкультурных взаимодействий можно разделить на следующие группы: 1) общетеоретические материалы в основном о возможных методологических разрешениях существующих затруднений межнациональных отношений; 2) этнопсихологические публикации, как правило, они касаются особенностей поведения очень узких групп населения; 3) описательные сообщения, повествующая о быте, нравах и жизни меньшинств в представлении исследователя и 4) конфликтоведческая литература, в основном как реакция, часто эмоциональная, на последние чрезвычайные события.

На сегодня российские политики, социологи и практики культурного строительства находятся в довольно сложном положении. С одной стороны, в стране существует исторически сформировавшаяся система единства политических автономий. С другой стороны, трансформации традиционных обществ, как в общероссийском, так и в общемировых масштабах серьезно “размывают” эти традиционные территориальные образования. Возникают новые полиэтнические территории – мегаполисы, экономически успешные регионы, магнитом притягивающие к себе пестрое по национальному составу население из других регионов страны. Можно говорить о самом начале изучения трансформации культурных потребностей коренного населения, “аборигенных” национальных меньшинств и мигрантов на полиэтнических территориях. Эти походы в самых общих чертах были намечены в материалах Всероссийской переписи населения 2002г. В-третьих, не всегда перемены приносят только трудности и проблемы.

Испытывается осязаемый дефицит и настоятельная потребность в аналитических публикациях со статистической динамикой количественных показателей качества

жизни меньшинства и изучение позитивного отечественного опыта сосуществования наций.

Так, например, в общественном сознании и научных исследованиях Кавказ и его обитатели утвердились как источник беспокойства во всех отношениях. Между тем, существует вполне позитивный опыт урегулирования отношений именно на Северном Кавказе, в мирном Дагестане, Кабардино-Балкарии. “Учитывая то обстоятельство, что изначальные структурные условия в бывших автономных республиках, особенно на Северном Кавказе, демонстрируют значительную степень сходства, остается только удивляться, почему так мало усилий вкладывается в поиск тех факторов, которые объясняют мирные и устойчивые этнополитические отношения. Заметьте, в том же самом регионе существует целый спектр конфликтных потенциалов, которые не перерастают в острые конфликты. Другими словами, наличие сходных структурных предпосылок, или “дозволяющих” условий не всегда – и не автоматически влечет за собой возникновение горячих конфликтов.”(21, с.67)

Не рассматриваются с точки зрения сочетания хронологических и статистических показателей также и ассимиляционные процессы, не всегда протекающие однозначно, например, в республиках Поволжья со сложным национальным и конфессиональным составом населения. “Особую сложность, как отмечают специалисты, в функционирование языков вносит так называемый дисперсный характер расселения ряда наций: к ним относятся татары и мордва (75%), карелы, чуваша (45-50%), башкиры, буряты (30-40%).”(107)

Для развития библиотечного дела представляет особенный интерес анализ потребностей читателей в литературе на национальных языках народов страны, *экстериорике* – как в сложившейся отечественной теории и практики книгоиздания, книговедения и библиотечного дела принято называть литературу о культуре и искусстве определенного народа/нации, вышедших за пределами территории их проживания.

Следует отметить, что российские исследователи политики книгоиздания и изучения потребностей читателей определенных регионов находится в парадоксальной ситуации. Библиотеки автономных республик (например, Дагестан, республики Поволжья) с полиэтническим составом населения, регионы с многонациональным населением (Восточная Сибирь, Уральский регион, Дальний Восток) ведут на самых разных уровнях изучение потребностей читателей самых разнообразных читательских групп. Участь этих публикаций – в основном представление в виде депонированных рукописей, либо же статей в малотиражных (по преимуществу) сборниках местного значения. В профессиональную библиотечно-библиографически-книговедческую печать массовых тиражей просачиваются большей частью либо рапорты по изучению читателей, книговыдачи, анализа коллекций крупных библиотек, либо отчеты о культурно-просветительской деятельности библиотек среди национальных меньшинств отдельно взятого региона, часто не самого большого. Нет региональных “картин” по изучению динамики потребностей всех социальных групп населения за определенные периоды времени, нет карт изменения национального состава и динамики читательских потребностей в библиотеках региона самого разного уровня. Кроме того, освещены отнюдь не все многонациональные регионы страны.

В этой связи представляет особенный интерес попытка социо-культурного анализа Российской книжной палаты под руководством профессора В. Худовердяна (107). Исследователи провели анализ возможной читательской аудитории в зависимости от соотношения титульных национальностей и национальных

меньшинств, способа расселения носителей языка, доли коренного населения в республике и компактность его расселения. Можно выделить несколько типов республик.

Табл.1.Распределение титульных наций на территориях автономных республик

Республики	Население
Титульные нации составляют больше 50%	Тува (тувинцы – 64,3%, русские –32%), Чувашия (чуваши – 67,8%, русские – 26,7%, татары – 2,7%)
Титульные нации составляют менее 50%	Калмыкия (калмыки –45,4%, русские –55,9%), Татарстан (имеет тенденции к переходу к первому типу).
Титульная нация составляет менее 30%	Карелия (карелы – 10%, русские –73,6%), Башкортостан (татары – 28,4%, башкиры – 21,9%, русские –39,3%)

Активное пользование родным языком – это один из мощнейших показателей принадлежности к культуре. Если пропадает потребность в пользовании языком, то можно говорить и об утрате интереса к культуре, усилении процессов ассимиляции с “большими” культурами, в данном случае с русской. Косвенные данные о процентном выпуске литературы на национальных языках также об этом свидетельствуют.

Табл.2.Выпуск литературы на национальных языках в кон.1990 -нач.2000-х

Издательства Чувашии	20%
Издательство Удмуртии	50%
Мордовское книжное издательство	50%

(107, с.11)

Отмечается снижение количества названий книг и тиражей на языках титульных народов. Например, в Бурятии количество литературы по названиям уменьшилось на 25%, в пять раз сократились тиражи. На 50% упали тиражи в Республике Алтай, в Калмыкии, на 30% – в Карачаево-Черкесии, сократилось число изданий в республиках Коми, Саха (Якутия) и в Хакасии.

Между тем следует отметить, что вопрос определения потребителя национальной книги вовсе не является однозначным. Во-первых, не всегда на территории республик проживает большинства представителей национальности – так, в Татарстане проживает только 26,6% татар страны, в Мордовии – 27,2% мордвы, в Чувашии – 49,2% чувашей. К наиболее многонациональным районам следует отнести Поволжье, Западную и Восточную Сибирь.

Серьезные проблемы в определении национальных пропорций читательского контингента могут ожидать исследователя при изучении ситуации на Северном Кавказе. Во-первых, наиболее многочисленны только лишь 14 групп народов, многие из которых принадлежат к разным языковым семьям. Учитывая менталитет кавказских народов, сложно оставить без внимания даже самые незначительные по

количественному составу группы населения. Во-вторых, вследствие нестабильности в отдельных областях данного региона России структура изменения населения может характеризоваться высокими динамическими показателями, не связанными с естественным приростом населения. Так, исследователями структуры населения Северного Кавказа был установлен резкий рост доли чеченского населения в Дагестане: с начала военных действий 1994-1995 гг. численность представителей данной нации возросла с 62 тыс. чел до почти 100 тыс. в настоящее время (21, с.211-212). В-третьих, доминирование и преобладание какой-то либо из народностей и соотношение с их численностью объемов названий и тиражей издаваемой литературы. Очень часто наблюдается некая “преемственность” и клановость в разделении обязанностей и возможно доминирование представителей той или иной, вовсе не самой многочисленной нации, в определенной сфере деятельности. Все это довольно ощутимо затрудняет определение конъюнктуры читательского рынка, его динамику и формирование общественного и коммерческого заказа литературы.

Вместе с тем исследователи отмечают, что наблюдаются тенденции к росту издательского потенциала изданий на языках тюркских народов и отдельных языков финно-угорской группы.

Нам представляется вероятным допуск предположения, что подобные явления возможны в том числе и при участии научной и культурной части общественности в международных проектах и объединениях, осуществляющих различного рода поддержку проектам национального книгоиздания.

Выводы:

Неоднородность этнического населения, рассредоточение диаспор ставят серьезную проблему книгораспространения. “Практика показывает, что книги для диаспоры издаются (за редким исключением) на территории “малой родины”, в республиках, а не в местах компактного ее проживания.”(107, с.12.) Распространение национальной книги за пределами национальной республики теперь в основном – дело национальных культурно-просветительских обществ; пока нет системы сбора данных о необходимом количестве книг для диаспоры, разрушены и/или отсутствуют система книгозаказа и распространения литературы.

Регламентация деятельности в области культурных взаимодействий

Следует выделить несколько уровней обсуждаемой темы. Во-первых, это участие России в проведении в жизнь международных законодательных актов. Во-вторых, действия национальных библиотек субъектов Федерации в рамках существующего законодательства по библиотечному делу. В-третьих, это создание и реализация общероссийских и международных проектов по стимулированию развития национальных книжных культур.

Нельзя отрицать, что современный мир – это пестрая мозаика культур и исторических традиций, тем не менее, демонстрирует тенденцию к поиску взаимопонимания, всепримирения народов мира и создание новой, основанной на плюрализме культур, общности людей. “Несмотря на многообразные традиции, определяющие участие европейских государств, в развитии социальной и гуманитарной сфер, все более определяются единые стратегические ориентиры их развития.”(56) Интерес к основам культурной политики в России стал усиливаться со стороны европейского сообщества к середине 1990-х гг. Причинами этого могли служить, во-первых, сокращение полномочий федерального центра и предоставление

большей инициативы местным властям, в том числе и по вопросам культуры; во-вторых, в 1996 г. Россия вступила в Совет Европы, что поставило ее перед необходимостью анализа состояния культуры по новым критериям.

Среди основополагающих документов наиболее серьезное значение имеют следующие из них. Прежде всего, это Устав ООН по вопросам науки, культуры и образования (Лондон, 16 ноября 1945г.), статья 2 которого посвящена вопросам культурного сотрудничества; Всеобщая декларация прав человека (Генеральная ассамблея ООН, 10 декабря 1948 г.), статья 27, посвященная вопросам прав человека в области культуры. В 1996г. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры приняла Декларацию принципов международного культурного сотрудничества, “направленную на широкое распространение культуры среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира”.

Важное значение для Европейского континента определяется материалами Совета Европы. В 1990-х гг. был ратифицирован Парламентом России базовый документ – Конвенция о защите прав человека и основных свобод (4 ноября 1950г.), чья 10 статья посвящалась свободе выражения и получения информации; мы присоединились также и к Европейской культурной конвенции от 19 декабря 1954 г.

Одними из характерных черт для руководства культурой в современной России можно полагать недооценку значимости библиотек на государственном уровне. И, следовательно, подробного знания о том, какие именно подразделения Совета Европы занимаются разработкой программ по внедрению программ и мероприятий, направленных на сохранение культурного многообразия континента. Широко известны Манифест ЮНЕСКО о публичных библиотеках, утвержденный на 60-й генеральной конференции ИФЛА (август, 1994г.), и на Совете ЮНЕСКО по общей информационной программе (октябрь, 1994г.).

В структуре Совета Европы функционирует Департамент культурной политики. Серьезное значение имели выработанные им принятые им в 1995г. предложения по “Реформе библиотечного законодательства в Центральной Европе”. Им предшествовала серьезная работа по изучению ситуации в библиотечном деле и библиотечном законодательстве Польши, Чехии, Молдове, Украине и Болгарии в 1992-1995гг. Они были направлены на подготовку рекомендаций главам правительств стран-участниц Совета Европы по гармонизации законодательств на базе общих принципов.

Подробное отражение вопросы обслуживания мультикультурного населения в полиэтнической среде нашли свое отражение в “Руководящих принципах библиотечного законодательства и библиотечной политики в Европе”, подготовленных советом Европы совместно с Европейским советом библиотечных, информационных и архивных ассоциаций (EBLIDA). Эти принципы обсуждались и корректировались на конференции “Библиотеки и демократия: ответственность государства, местных органов власти и специалистов” (Страсбург, 23-25 ноября 1998г.) В разделе “Свобода выражения и свободный доступ информации”, в котором провозглашается равенство предоставления услуг вне зависимости от национально-расовой и культурной принадлежности и общедоступность предоставления услуг и печатной продукции библиотеками, а также равенство в обслуживании всех пользователей информации.

Большое значение имеет также и раздел “Роль библиотек в национальной книжной и информационной политике”. Мы уже говорили, что за годы общественных преобразований в стране ответственность органов государственной власти несколько

снизилась, а в документе международного сообщества подчеркивается, что библиотеки должны быть в центре внимания национальной политики.

“Библиотечное законодательство и национальная библиотечная политика должны:

а) обеспечивать необходимый юридический статус и профессиональную базу библиотекам всех типов в рамках единой национальной информационной политики;

б) обеспечивать оптимальное соотношение общих принципов и подробных нормативов в документах, регламентирующих деятельность библиотек;

в) закладывать основу взаимодействия библиотек с другими представителями “книжного сообщества”, а также со всем миром человеческих знаний;

г) гарантировать свободный доступ к информации всем гражданам. Данный принцип распространяется на все типы информационных носителей, в том числе и на информацию, доступную в электронном виде в Интернете;

д) выделять библиотечную деятельность как необходимый инструмент поддержания и развития демократии. Кроме того, центральные и местные органы власти должны обеспечивать надлежащие организационные, экономические и управленческие механизмы для выполнения данной функции <...>

4. Финансирование библиотек. Центральные и местные органы власти: <...>

б) Финансирование библиотек должно осуществляться из общественных фондов. Библиотечные услуги, частично финансируемые из других источников не должны влиять на целостность сообщества библиотекарей-профессионалов и на выбор библиотечных материалов, а также не должны подрывать основные принципы свободного доступа и бесплатного обеспечения базовыми услугами” (56, 11-12).

Особое внимание вопросам обслуживания полиэтнического населения уделяется и международным профессиональным библиотечным сообществом. В 1998 г. Постоянным комитетом ИФЛА по мультикультурному обслуживанию населения, подкомитетом по стандартам, было подготовлено специальное Руководство по библиотечному обслуживанию “Мультикультурные сообщества”. Оно призвано содействовать “распространению стандартов, основанных на принципах справедливости и равенства в библиотечном обслуживании этнических, языковых и культурных меньшинств”(97, с.28). Руководство определяет критерии деятельности библиотечных служб, представляет основы планирования их деятельности по работе со всеми группами населения, создает справедливую основу для приобретения материалов на всех языках, которыми активно владеют пользователи. Оно рассматривает обслуживание меньшинств и малочисленных групп как составную часть библиотечной-просветительской деятельности; оно должно быть внедрено во все формы работы с населением. С точки зрения многообразия социально-этнических групп, образующих современное общество, они могут быть выделены следующим образом:

1. *Иммиграционные меньшинства* - лица, постоянно проживающие в данной стране, имеющие свой язык (языки) и культуру (культуры), отличающиеся от культуры иммигрантов, которые продолжают приобщать себя к культуре своих предков.

2. *Лица, ищущие убежища и лица, обладающие временным разрешением на проживание в стране.*

3. *Рабочие-мигранты*, легальный статус которых определен законом как временное проживание. К этой категории относятся временные рабочие-иммигранты и их иждивенцы. В зависимости от законодательства,

иммиграционной политики страны проживания и собственных намерений представители данной категории населения могут получить гражданство.

4. *Национальные меньшинства.* К ним относятся коренные или длительно проживающие группы с давно устоявшейся и ярко выраженной этнической, языковой и культурной идентичностью, отличной от образующего государство большинство населения.<...>

5. *Глобальное общество.* В условиях существования глобального общества мы все являемся частью национальных меньшинств. Поэтому культуры всех народов мира должны быть представлены в глобальной информационной инфраструктуре” (97, с. 28).

Главный тезис Руководства – библиотечное обслуживание должно в равной степени предоставляться всем без исключения этническим, культурным и расовым группам общества. Решения по обслуживанию малых или дисперсных групп общества должно решаться на национальном или региональном уровне; библиотеки должны способствовать потребностям детей из числа этнических, религиозных и культурных меньшинств. Библиотеки должны поощрять в рядах своих коллег изучение культуры и языка всех категорий населения, руководство библиотек должно поощрять прием на работу лиц, располагающих знаниями о культуре и языке национальных миноритарных групп.

“Соответственно обязанностям библиотек перед пользователями должны формироваться функции как библиотек, так и органов управления ими:

- каждая библиотека должна четко представлять себе задачи, цели, и политику в области обслуживания этнических, языковых и культурных меньшинств, руководствуясь при общепринятой системой ценностей и в соответствии с ними планировать мультикультурное обслуживание, осуществляемое на местах;

- библиотеки должны проводить четкую политику недискриминации и антирасизма;

- каждая библиотечная служба должна изучать потребности обслуживаемого ими сообщества, оценивать природу этих потребностей, в этих целях проводить консультации с представителями этнических, языковых и культурных миноритарных групп<...>;

- в соответствии с демократическими принципами управленческие и консультативные органы библиотеки, такие, как попечительские советы, должны отражать этнический состав обслуживаемого библиотекой сообщества;

- библиотеки, обслуживающие значительную по численности группу лиц, принадлежащих к одному этническому, языковому или, должны предоставить этой группе пользователей местное обслуживание” (97,с.29.).

Проблема изучения мультикультурного обслуживания на уровне международного сотрудничества библиотек постсоветского политического пространства осуществляется в рамках деятельности Библиотечной ассамблеи Евразии (БАЕ) – “международной профессиональной организации, созданной по инициативе библиотечных работников независимых национальных республик в период...процессов, связанных с распадом Советского Союза коренными изменениями в общественном сознании”(Чаднова, с.30) Эта ассоциация ныне, после 10 лет своей деятельности, объединяет в своих рядах более 150 членов.

С 1999г. в числе приоритетных программ деятельности ассамблеи является программа “Библиотеки в мультикультурной среде”, которую она ведет в рамках ИФЛА. В рамках ее реализации проходит ежегодная международная конференция “Библиотека –центр диалога культур в полиэтническом обществе”. На конференции

обсуждается практический опыт работы библиотек с многонациональным населением стран СНГ, пути разрешения межэтнических конфликтов и участие библиотек в этом процессе, участие библиотек в проектах просветительски-образовательного плана. БАЕ явилась реальной консолидирующей силой; она, объединяя усилия библиотек национального уровня на постсоветском пространстве, явилась катализатором создания Российской государственной библиотекой веб-сайта проекта СОНЕГОС, призванного содействовать формированию доступной и постоянно обновляемой БД о фондах. Каталогах, услугах, коллекциях и каталогах, существующими в них в электронной и традиционной форме.

В России деятельность библиотек регламентируется обширным и подробным федеральным и местным законодательством в области функционирования библиотек как общественных учреждений.

Это законы и комплексы законодательных материалов “О средствах массовой информации” (1991), “Основы законодательства Российской Федерации о культуре” (1992), “Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах” (1993), “Об обязательном экземпляре документов” (1994), “О библиотечном деле” (1994), “Об информации, информатизации и защите информации” (1995).

“Основами законодательства Российской Федерации по культуре”, в соответствии с Конституцией РФ 1993г., допускают параллельное существование федерального и регионального (в субъектах Российской Федерации) законодательства по вопросам культуры, что выдвигает сложные задачи перед законопроизводством и законоисполнением в области библиотечного дела. Положительное значение существования федеральных и регионального законодательств в том, что оно позволяет учитывать особенности местного книгоиздания, комплектования библиотек литературой на языках народов России и развитие библиотечного дела на местах. Вместе с тем это ставит перед Россией задачу приведения в соответствие одних норм права другим. Это имеет серьезное значение для устранения разночтений в их реальном пользовании и может сыграть свою положительную роль при интеграции нашей страны в общемировые процессы.

Все эти положительные и отрицательные моменты очевидны при рассмотрении, например, столь значимых законов, как законодательство по обязательному экземпляру. Оно имело и имеет существенное значение, прежде всего для комплектования фондов, играющего одну из главных, формообразующих роль в деятельности библиотек по обеспечению населения книгой, в том числе и на национальных языках.

Практически все субъекты федерации – 60 из 89 – к 2000г. сумели принять национальное законодательство по данному вопросу. По мнению заместителя директора Российской книжной палаты А.А.Джиги, это способствовало увеличению количества изданий, получаемых библиотеками. “Если в 1990-1993 гг. по линии обязательного экземпляра библиотеки и информационные научные учреждения получали около 45% от общего числа издаваемых в стране документов, то в настоящее время эта цифра соответствует 70%.” (А.А.Джиги., с.15.) Вместе с тем путь этот вовсе не был прост и короток: только за пять лет действия закона в процессе его уточнения и изменения было создано 17 законопроектов, взаимоисключающих друг друга. Удалось отстоять, например, бесплатный обязательный экземпляр для библиотек со статусом национальных: для литературы на национальных языках он составляет 4 экземпляра книг и брошюр, альбомов, продолжающихся изданий, журналов и географических карт; 3 экземпляра рекламных изданий, городских, районных, многотиражных газет на языках народов Российской Федерации (кроме

русского). Это позволяет в полной мере обеспечивать полноту выпускаемой в республиках продукции именно государственных изданий: ведь, согласно тем же сведениям А.А.Джиги, на частных издателей приходится около 45% названий книг, выходящих в стране, а оставшиеся 55% изданий выпущены издательствами, функционирующих на деньги налогоплательщиков.

Обязательный экземпляр позволяет национальным библиотекам республик наиболее полно раскрывать свои фонды, принимать участие в российских, международных и региональных просветительских программах и проектах, пропагандировать и продвигать национальную книгу, изучать потребности в ней со стороны самых разнообразных пользователей, вести серьезную научную и методистскую работу, создавать специализированные коллекции и собрания экстериики.

При всем при этом остается открытым вопрос о комплектовании не тиражированных документах – теперь редкая библиотека, особенно республиканского и областного значения, не собирает, хранит и исследует рукописные материалы. Как узаконить их присутствие в фонде, особенно если речь идет о них как о части культурного наследия большой или малой нации и народности? В действующем законе уделяется не очень много внимания электронным носителям. Требуется установление точного определения электронного издания; определить терминологические границы для онлайн-документов, документов на оптических компакт-дисках, и документов смешанного типа. Все это создает дополнительные сложности в формировании фондов библиотек различных типов.

Вместе с тем даже столь противоречивое и по-разному толкуемое законодательство позволяет библиотекам активно реализовывать свою деятельность как в масштабах страны, так и в пределах отдельной республики. Практически это находит своё выражение в участии библиотек в общенациональных программах, таких, как федеральной программе “Культура России”(2001-2005 годы)”, “Память народов России” в рамках региональных проектов, межреспубликанских стратегических проектах. Часто именно национальные библиотеки союзных республик выступают инициаторами постановлений по обеспечению сохранности и безопасности библиотечных фондов. Честь национальных библиотек составляет участие в формировании межрегиональных программ по книгообеспечению национальных меньшинств и диаспор в местах их компактного расселения.

Они вносят свой вклад в изучение проблем взаимодействия русской культуры и национальных культур народов России, проводят изучения коллекций национальной книги, реализуют участие в международных проектах – программах по изучению и сохранению культуры скандинавских стран, конференциях и мероприятиях объединений тюрко-язычных народов, финно-угорских межнациональных культурно-лингвистических объединений.

Можно с полным правом говорить том, что в своей деятельности национальные библиотеки руководствуются двумя тенденциями, утвердившихся в развитии культуры настоящего времени. С одной стороны, это тенденция культурного универсализма, что означает “сведение к разумному минимуму этнокультурных различий и для формирования единой государственной культуры” (84, с.36). Это находит свое отражение в деятельности библиотек в области законотворчества, попыток формирования своих фондов на легитимной основе, участия в общенациональных программах сохранения культурного наследия. С другой стороны, это тенденция развития национально-культурной самобытности каждого народа России, а также стремления сохранить и возродить своеобразие отдельных культур и

языков. Это сущностное наполнение деятельности библиотек – изучение, пополнение и расширение фонда печатных материалов и иных документных форм, обслуживание читателей литературой на языках народов России, ведение просветительской деятельности, подготовка справочной и библиографической продукции.

Выводы:

Таким образом, можно говорить о позиции библиотек как об одной из институций гражданского общества. Во-первых, они осуществляют правовую инициативу, создавая, развивая и унифицируя легитимную основу их деятельности как в общероссийском, так и в национальном масштабах. Во-вторых, именно они во многом реализуют проведение в жизнь политики многообразия культур, которые сохраняют уникальность этнополитической карты России.

Мультикультурное обслуживание политэтнического населения за рубежом

В мире существует довольно значительный опыт, накопленный странами, руководствующимися доктриной мультикультурализма в области культурной политики. Прежде всего, это такие государства, как Канада, Австралия, Швеция, Новая Зеландия, США. Новые подходы к работе с мультикультурным населением использует и Федеративная Республика Германия.

Все эти страны объединяет то, что они сформировались этнически в основном на иммиграционной основе. Так, по переписи населения Канады в 1996 г. только 5 миллионов канадцев в графе “этническое происхождение” указали канадское происхождение.

Этничность остальных оказалась значительно дифференцирована: 29,4% отнесли себя к англо-канадцам, 23,5% идентифицировали себя как франкоязычных канадцев, 12,2% представили французско-британское происхождение, 4,1% указали смешанное британско-французское происхождение, 3,9% относил себя к коренным народам Канады (индейцам или эскимосам-инуитам). Еще 26,9% отнесли себя к представителям иных этнических групп. Более 16 млн. населения Австралии (3/4 населения) – потомки переселенцев с Британских островов. Сейчас на Зеленом континенте живут выходцы более чем из 120 стран мира; около 2% населения составляет его коренное, аборигенное население.(37) В современной Германии проживают около 83 млн.чел.; около 9% всего населения страны составляют эмигранты, многие из которых – или поколение их родителей – прибыли в страну в качестве “гастарбайтеров” в середине 50-х начале 70-х; в конце 1990-х распад Советского Союза, “восточного блока” и воссоединение с Восточной Германией вызвало новую волну иммиграции в страну.(55,37) Концепция мультикультурализма органично легла на исторические традиции уважения иноязычных культур в Королевстве Швеции. Около 670 тыс. эмигрантов стали полноценными гражданами этой страны.(37)

Они пришли к использованию концепции мультикультурализма по большей части в результате довольно серьезных общественных потрясений. Канаду в 1960-х – 1970-х гг. потрясли вооруженные противостояния между франкофонными канадцами, выступавшими за отделение провинции Квебек и обретение ею политического суверенитета. Австралия проходит долгий путь поисков взаимопонимания аборигенного населения и белых поселенцев, находящихся в затяжном конфликте относительно права обладания землей, имеющих для исконного населения не только экономическое, но и священное значение. Германия в 1992-1994 гг. и 1999-2000 гг.

пережила участвовавшие случаи убийств, увечий, поджогов и взрывов на почве проявления враждебности к иммигрантам с Востока в целом.

Следует отметить, что каждая из этих стран пришла к необходимости внедрения практик мультикультурализма совсем по-разному. Так, с правовой точки зрения начало реализации политики мультикультурализма в Австралии следует отмечать с 1967 г., когда коренные жители этой страны были признаны гражданами и получило право на свободное передвижение. Таким образом, произошло окончательное юридическое закрепление равенства всех общин австралийского общества. Сегодня мультикультурным обществом Австралию полагают 93% ее населения. И это при том, что 40% населения страны родилось за ее пределами. Полиэтническое австралийское общество сегодня руководствуется девизом: люди всех национальностей должны иметь равные возможности. В стране серьезную общественную силу составляют этнические общины. Их цель существования – помочь новичкам-иммигрантам интегрироваться в австралийское общество при сохранении своего национального своеобразия. У них имеются свои школы, клубы, церкви, культурные центры. Все общины входят в Всеавстралийскую федерацию. В штатах и городах их работу координируют Советы этнических общин. Общины поддерживают постоянную связь с Управлением по мультикультурализму, которое подчиняется непосредственно премьер-министру Австралии. Именно государство оказывает поддержку и помощь, в том числе и финансовую, в осуществлении многих культурных проектов и программ.

И это приносит значительные успехи в достижении поставленных целей “многообразия в единстве” – на 30 языках издаются австралийские газеты, на 60 ведется радиовещание, на 15 языках осуществляется телефонный перевод.

Между тем нельзя не отметить, что реализация политики мультикультурализма не всегда встречает восторженный прием даже внутри самой Австралии. Так, например, серьезной и острой задачей австралийского общества является национальное примирение (reconciliation) с аборигенным населением континента. Сегодня их потомков около 300 тыс. чел. Их количественная доля в населении страны растет: еще в 1983 г. их значилось еще около 106 тыс.чел. Проблема аборигенов в австралийском обществе имеет триединое выражение.

Во-первых, аборигенное население не испытывает желания “интегрироваться в общество белых, основанное на индустриальном производстве и современной европейской западной культуре.” Следствием этого является крайне низкий уровень жизни при высоких в целом австралийских показателях в этой области и социальные издержки, связанные с этим явлением (малая продолжительность жизни, высокий уровень детской смертности, алкоголизм и проч.) Во-вторых, уже более 200 лет, периодически обостряясь, продолжается конфликт из-за права владения землей между коренным населением и белыми фермерами, владельцами шахт, рудников и прочей недвижимости. Как мы уже упоминали выше, земля в религиозной практике аборигенов имеет сакральное значение. В-третьих, возникают сложности культурно-лингвистического характера: языки аборигенного населения не похожи друг на друга, и, несмотря на то, что аборигенная цивилизация Австралии считается одной из самых древних, её при всем при том, относят к наименее изученным. Все это обусловило свои особенности в подходах к работе с данной частью населения, в том числе и в области библиотечного обслуживания.

В 1990 г. была создана Комиссия аборигенов и островитян Торресова пролива (Aboriginal and Torres Strait Islander commission –ATSIC). Это общественная организация по восстановлению и полноценную реализацию гражданских прав

коренного населения Австралии. Она координирует свою деятельность со специальным органом Советом по примирению с коренными жителями (Council for Aboriginal Reconciliation). Австралийская ассоциация библиотечных и информационных работников (Australian Library and Information Association – ALIA) поддерживает позиции и деятельность этого совета. Она признает сложность такого явления как аборигенная культура и реализует политику по более активному вовлечению их библиотечную профессию и оптимизацию их обслуживания в библиотеках. В ноябре 1995 г. ALIA подписала соглашение с Министерством по вопросам трудоустройства, образования, подготовки кадров и по делам молодежи (Department of Employment, Education, Training and Youth Affairs – DEET) о реализации программы “Стратегия профессиональной занятости и привлечения аборигенов к библиотечно-информационной работе”. Эта программа выполняла задачи:

- справедливого представительства коренного населения среди претендентов на работу;
- привлечения коренного населения в обучение библиотечной профессии,
- содействия совместному обучению библиотечной профессии представителей исконного населения и других этнических групп страны;
- повышение значимости библиотек в повседневной жизни аборигенного австралийского населения.

Хотя реализация проекта, начавшаяся в 1996г. и рассчитанная на три года, носила характер кампании, для ALIA неизменной остались ее цели – содействие обучению аборигенов на курсах по библиотечному и архивному делу и предоставление для них возможности трудоустройства в библиотеках и архивах. В практическом смысле это инициатива Библиотеки Сиднейского института по подготовке аборигенов к работе на библиотечных должностях. Для реализации программы обслуживания аборигенов в стране были разработаны так называемые “Протоколы для библиотек, архивов и информационных агентств по обслуживанию австралийских аборигенов и коренных жителей островов Торресова пролива”. Они были рассмотрены в парламенте страны в сентябре 1994 г. и после внесения поправок и предложений на конференции представителей Сети библиотечно-информационных ресурсов по вопросам коренных жителей Австралии (Aboriginal and Torres Strait Islander Library and Information Resource Network– ATSILIRN) вступили в силу в декабре 1994г. Они содержат несколько разделов:

- Содержание и перспективы развития фондов;
- Проблемы интеллектуальной собственности;
- Доступность и использование фондов;
- Описание и классификация материалов по тематике, связанной с аборигенами;
- Материалы мистического и сакрального характера;
- Материалы оскорбительного для аборигенов характера;
- Управление и руководство;
- Кадровое обеспечение;
- Образование и обучение;
- Роль библиотек в распространении знаний о коренных австралийцах.

Если рассматривать данный документ в его целостности, то его можно назвать “документом тонкостей”. Это вовсе не бюрократические соображения, а скорее руководство по обслуживанию аборигенного населения с учетом всех известных тонкостей этнопсихологии и попытка стратегического подхода к возможным трудностям повседневной работы. “Содержание и перспективы развития фондов” содержат рекомендации по комплектованию фондов аборигеники^{**} для библиотек

разных типов, а также сведения о библиографических пособиях, призванных помочь комплектаторам в этой непростой работе. Раздел по проблемам интеллектуальной собственности фактически является обращением к правительству Австралии и ставит вопросы своеобразного отношения к традиционным проблемам авторского права. Так, например, предлагается учитывать право собственности на произведения и право распоряжаться ими не как право индивидуального автора, а как право собственности племени на легенды и сказания. Кроме того, предлагается дополнить их правом атрибуции (право быть названным автором произведения) и правом целостности (право автора противиться искажению фактов, содержащихся в документе). “Доступность и использование фондов трактуются” расширительно. Это означает и продуманность архитектурных проектов библиотеки с учетом психологии аборигенов. И максимальное приближение её фондов и справочно-поискового аппарата к непосредственным нуждам читателя, и непосредственное участие самих читателей в оформлении и проектировании внешнего вида здания и внутреннего дизайна библиотеки. Составители протоколов смело касаются таких тем, как материалы сакрального характера: в “Протоколах...” говорится о необходимости проведения дефиниций между кощунственным и священным, высказывается пожелание по созданию баз данных, освещающих подобные материалы. Библиотеки призывают вызывать доверие у аборигенов. Это предполагается достичь, прежде всего, предоставлением особых помещений для хранения святынь и возможности общения с ними тем, для кого они предназначены традицией. Библиотекам настоятельно рекомендуется вести отбор материала при совместном участии местных органов власти и аборигенных общин. Им надлежит тщательно регистрировать все ответы на любые запросы экспертов, связанные с тематикой жизнедеятельности коренного населения страны. Разделы “Управление и руководство”, “Кадровое обеспечение”, “Образование и обучение” буквально направлены на то, чтобы выявить, обучить и сотрудничать с любыми представителями коренного населения и всемерно поддерживать у последних даже малейшее желание пополнять свое образование и наращивать профессиональный потенциал. (Общее отношение, идеологический пафос и социальный подход сильно напоминает политику протекционизма малых народов СССР, направленную на повышение общекультурного уровня этих народностей и формирование национальной интеллигенции.) Как выдающиеся достижения и крупный успех преподносится участие представителей аборигенов в совещательных органах, влияющих на формирование политической стратегии и тактики библиотек штатов Квинсленд и Новая Южная Австралия (71).

Заметим, что речь идет не о самой крупной и не о самой влиятельной общине Зеленого континента. Но опыт серьезной научной, методической, исследовательской и просветительской деятельности не может не быть обобщен и поставлен на благо служения всему человечеству. На сайте www.openroad.net.au.net, посвященном участию библиотек в реализации политики мультикультурализма во всем мире, опубликованы директивы Библиотечного совета штата Виктория по данному вопросу, вышедшие в 2001 г. Они являются второй редакцией директив от 1982 г., опирающихся на рекомендации ИФЛА и Американской библиотечной ассоциации (American library association – ALA). Они связывают воедино политику структурного изучения полиэтнического населения как потенциальных пользователей библиотек с привлечением статистических, социологических и административных учреждений и организаций для определения динамических процессов в демографии населения в настоящем, прошлом и будущем. Они предлагают алгоритм шагов по преобразованию простого книгообеспечения населения необходимой ему литературой в

мультикультурное обслуживание населения с учетом особенностей этнопсихологии даже самых небольших общин, расположенных на территории, “подведомственной” библиотеке. Они показывают, как именно следует учитывать мультикультурализм при привлечении новых информационных технологий под влиянием разных культурных традиций и ожиданий разных групп населения.

Одним словом, данные директивы в практическом смысле демонстрируют все то, что в советское время называлось “междисциплинарными связями наук” и “комплексным подходом” к решению проблемы изучения полиэтнического (многонационального) пользователя с позиций мультикультурализма.

Хотелось бы отметить, что данная политика Австралии вовсе не ограничивается системой мероприятий библиотек и библиотечных советов на местах и подготовкой научных и методических материалов по реализации данной политики в области библиотечного дела. На национальном уровне реализуются долгосрочные и краткосрочные программы по сохранению культурного многообразия австралийского общества. В июне 2004 г. завершился проект Документальное мультикультурное наследие в Национальной библиотеке Австралии (National Library's Multicultural Documentary Heritage Project), начавшийся в июне 2003 по рекомендации Дж. Гоббо, председателя Совета Национальной библиотеки Австралии. В нем приняли участие Совет по австралийским государственным библиотекам (Council of Australian State Libraries), Национальные архивы Австралии (National Archives of Australia), Департамент по коммуникациям, информационным технологиям и искусствам (Department of Communications, Information Technology and the Arts), Федерация этнических советов общин (Federation of Ethnic Communities' Councils of Australia), этнические советы общин или их эквиваленты на местах (Ethnic Community Councils or their equivalents in each State), Управление по мультикультурализму при правительстве Австралии (State government departments for multicultural affairs). Его целями были помощь в проведении исследования документального мультикультурного наследия самых разных общин страны, организация семинара по сохранности и обращению коллекций, организация консультаций по преумножению этих собраний. Библиотека реализовала эту программу, ощущая себя центром хранения и сбора информации о культурном прошлом и настоящем своей страны.

Показательно, что сайты национальных библиотек обеих стран, провозгласивших мультикультурализм основой национальной политики – Канады и Австралии – располагают страницами, отражающими вклад этих государств в ее претворение в жизнь. Причем если сайт Национальной библиотеки Австралии содержит информацию довольно-таки лаконичную и по большей части регулярно обновляющуюся, касающуюся деятельности самой библиотеки, то совсем иная ситуация на сайте Национальной библиотеки Канады. Он буквально переполнен научными и методическими материалами по мультикультурализму, реализуемому в практике библиотек и архивов Канады. Этому можно предложить несколько объяснений.

Прежде всего, ведется большая работа на местах – как по инициативе советов этнических общин, так и по линии библиотечной деятельности в отдельных штатах страны. В Канаде концепция мультикультурализма как основа государственной политики по национальному вопросу требует расширенного освещения и пропаганды среди определенной части населения. Так, и по сегодняшний день некоторая часть франкоязычных канадцев Квебека идеологически и духовно связана с Францией, их исторической родиной, вовсе не расположенной даже в настоящее время признавать своё общество полиэтническим, а мультикультурализм – основой национальной

политики. При этом если перед Австралией стояли задачи национального примирения и воспитание толерантности у белого большинства, а меньшинству оказывалась помощь в социальной адаптации при сохранении культурного свое-/многообразия, то Канаде фактически пришлось проводить работу с довольно значительными группами населения. Ведь конфликтное франко-говорящее большинство к середине 1960-х составляло едва ли не треть населения и задачи перед правительством страны стояли несколько иные. Во-первых, следовало определить равные позиции всех общин страны, вне зависимости от того, каким языком они бы предпочли пользоваться. Во-вторых, следовало показать, что при всем при том мнение данной общины, хотя бы в силу своей многочисленности, имеет серьезный политический вес в обществе и оказывает существенное влияние на его развитие. Франко-говорящей общине удалось добиться поощрения французской эмиграции в Канаду, обязательного обучения в школах Квебека французскому языку и успешно развивать свою национальную культуру. Первыми шагами по реализации концепции мультикультурности явились признание в 1969г. французского языка вторым официальным языком и провозглашение политики мультикультурализма основной политики по национальному вопросу в 1971 г. Она основывается на пяти основных принципах:

- 1) признание необходимого свободного творческого самовыражение;
 - 2) открытие канадского культурного рынка и возможность для канадцев делать выбор из многообразного спектра образцов культуры;
 - 3) государственная поддержка национальной культуры посредством целого ряда финансовых и законодательных мер;
 - 4) акцентирование плюрализма и двуязычного характера канадской культуры;
 - 5) взаимодействие федерального, провинциального и муниципального уровней поддержки культуры
- (37, с.29).

Административно это нашло свое выражение в создании в 1985 г. Комитета палаты общин по мультикультурализму, а в 1988 г. был принят закон палаты общин по многокультурности.

Осуществление этой политики способствовало восстановлению национальной стабильности в Канаде – одной из целей политики мультикультурализма является многокультурное допущение или создание так называемой первоначальной уверенности. Если человек уверен в собственном месте в обществе, то он проще воспринимает права членов других групп иметь собственные идеи, позицию и место в обществе. Эта политика способствует преодолению двух крайних позиций в национальном вопросе – сепаратизма и сегрегацию. Мультикультурализм Канады признает полиэтничность общества и использует политические институты государства для осуществления политики взаимоуважения, толерантности и социальной справедливости для всех социальных групп.

С точки зрения специалистов, наиболее успешно политика мультикультурализма реализует в провинциях Онтарио и на западе страны; менее успешно – в провинции Квебек и на Атлантическом побережье. В этом смысле особенно показательно преобразования в библиотечном деле именно этого штата Канады. Так, в 1998 г. вступил в действие закон об образовании “Большой библиотеки Квебека”; в 2001 г. был принят новый закон о новой национальной библиотеке Квебека. С одной стороны, была предоставлена полная свобода выбора концепции и

административных преобразований в создании и модернизации национальной библиотеки провинции Квебек. При создании проекта “Большой библиотеки Квебека” использовались возможности проекта “Очень большой библиотеки” Франции. Принятые в результате решения привели к укрупнению библиотеки в Монреале. Так же как и деятельность многих крупнейших национальных библиотек мира, она опирается на получение бесплатного обязательного экземпляра документов. Она выступает центром научно-исследовательской и методической деятельности, отвечает за образование и эффективное функционирование единой информационной сети, объединяющей публичные и отраслевые библиотеки, а также библиотечно-информационные учреждения системы образования. Все это позволяет говорить о том, что проект проникнут духом сохранения национального своеобразия провинции Квебек и ее связей с Францией. С другой стороны, это вполне мультикультурный проект даже в этом уголке страны: В “Программе развития Большой библиотеки Квебека” говорится, что комплектование фонда должно не только способствовать удовлетворению читательских потребностей читателей, но и развитию их потенциальных интересов, корректируя и улучшая профиль комплектования. Сравнительно несложно, по мнению директора Библиотеки Л.Биссоннетт, предлагать читателю проверенную читателями литературу на французском языке; значительно труднее пропагандировать малоизвестные, но значимые издания, незаслуженно забытые жанры и новые имена в литературе.

Все большее значение будет уделяться работе в иностранной литературой. Этот вид деятельности должен стать приоритетным. Даже в Квебеке не могут отрицать, что процессы миграций затронули и этот уголок страны: теперь каждый третий ребенок является членом семьи мигрантов. Эти дети растут и воспитываются в условиях влияния и взаимопроникновения культур: в школах им преподают знания на официальных языках страны, в то время как дома они находятся в атмосфере культуры и языка своих родителей.

Это нашло свое выражение и в букве закона о новой национальной библиотеке:

1. Библиотека собирает, хранит на постоянной основе и предоставляет в пользование фонд, являющийся национальным культурным достоянием провинции Квебек. Она пополняет свой фонд также любыми иными опубликованными документами (в том числе изданными за пределами Квебека), которые имеют отношение в провинции Квебек и представляют культурную ценность.

2. Библиотека обеспечивает свободный доступ к национальному культурному достоянию, к мировой культуре, науке, знаниям и информации в целом. Она изучает, накапливает и распространяет новаторский опыт в области библиотечного и информационного дела, служит примером для библиотек и других родственных учреждений Квебека, способствует развитию культуры, расширению кругозора, образовательного и научного уровня граждан Квебека.

(ст. 14 Закон о Большой библиотеке Квебека)(116).

Развитие библиотечного и архивного дела определяется политикой мультикультурализма. Объединение библиотек и архивов Канады на сайте национальной библиотеки этой страны предлагают широкий спектр программ по реальному воплощению в жизни пропаганды культуры народов, населяющих эту страну, предлагают традиционные и сетевые источники по генеалогии и археографии, освещают значимые события в культурной жизни страны. В области библиотечного дела они включают научно-исследовательские и методические разработки по исследованию мультикультурных библиотечных фондов, технологические ресурсы по развитию мультикультурных сайтов, содержательное наполнение мультикультурных

веб-ресурсов, обобщение опыта мультикультурного обслуживания в Канаде, США и других странах мира, список коммерческих участников реализации проектов по мультикультурализму.

Не может не поражать комплексность подхода к реализации проектов комплектации литературой. С одной стороны, предлагаются классифицирующие модели изучения читательского поведения, аннотируется и раскрывается содержание наиболее значимых современных (1990, 1994, 1996 и 2001 г.) пособий по осуществлению библиотечного обслуживания мультиэтнического населения, подготовленных столь авторитетными организациями и учреждениями как ИФЛА, ALA и национальными библиотеками Канады и Австралии. В качестве практического руководства приводится так называемый Шаблон по развитию мультикультурных библиотечных фондов (A Template for Developing Multicultural Library Collection), оригинальное ноу-хау Канады по изучению структуры читательского контингента определенной территории, изучения профиля потребностей читателей, выработку плана тактических и стратегических действий в области мультикультурного библиотечного дела, обеспечение подготовки библиотечного персонала, развитию мультикультурного библиотечного фонда, его расширение за счет привлечения мультикультурных веб-ресурсов и осуществление оценки мультикультурных собраний и перспектив их развития.

Подобные усилия Канады нашли всемерное одобрение и поддержку у мировой общественности. Уже в 1997 г. комиссия ЮНЕСКО по культуре поддержала канадский подход в решении национального вопроса в качестве перспективной модели для других стран, стоящих перед полиэтничностью как перед брошенным им вызовом.

Если говорить о европейских государствах, то, пожалуй, за исключением скандинавских государств, национальная политика европейских стран еще только начинает разворачиваться к доктрине мультикультурализму, хотя острота межкультурных конфликтов заставляет настоятельно искать пути снижения напряженности градуса подобных отношений в обществе. Например, это характерно для Федеративной Республики Германия.

В этой стране существует государственная программа “Экстренные меры”, действующая на федеральном уровне. Она включает мероприятия, направленные на адаптацию мигрантов в новом для них обществе. При всем при том осуществляется также и политика реиммиграции из страны. Германия поддерживает возможности связей с родиной, существование национальной среды; реиммиграция также поддерживается и материально – выделяются денежные пособия для переезда(37).

Вместе с тем немецкие библиотеки, на самых разных уровнях, не остались безучастными к существующим проблемам общества в области межнациональных отношений. Поскольку Германия не приняла доктрины мультикультурализма, то речь идет о борьбе с ксенофобией и пропагандой толерантности в деятельности библиотек. А по мнению ведущих библиотечных специалистов страны, библиотеки, традиционно являясь центрами общения и культуры, могут стать тем местом проведения общественных дискуссий, где нет запретных тем и дискриминации участников. Прежде всего, сами библиотекари должны поддерживать высокий уровень культуры общения с читателями разных национальностей и вероисповеданий. Во-вторых, библиотеки своей деятельностью по формированию фондов и созданию каталогов должны смело представлять литературу по опасным темам: расовая нетерпимость, национал- социализм, толерантность и т.д. В-третьих, библиотека должна проводить

мероприятия и акции, не считаясь с денежными средствами практически для всех возрастных категорий читателей.

В этом смысле любопытен опыт трех библиотек Германии, нашедший свое отражение в профессиональной литературе –Немецкой библиотеки, Мюнхенской городской библиотеке и Библиотеке общины Вестерверлединген.

Если сравнивать действия немецких библиотек и “мультикультурных” библиотечных мероприятий в Канаде и Австралии, но представляет интерес вектор воздействия на пользователя. Если канадские и австралийские мероприятия направлены на воздействие *определенной* части общества, то работа немецких библиотек, в основном направлена на самих немцев, *большинство* общества. Каждая из библиотек выстраивала свою деятельность в зависимости от своего положения в обществе; так, Немецкая библиотека в качестве национальной библиотеки страны собирала подписи под своим обращением к правительству и парламента республики в печальную годовщину “хрустальной ночи” в ноябре 2000г. Немецкая библиотека во Франкфурте-на-Майне совместно с Министерством по делам молодежи, культуры, семьи и женщин земли Рейнланд-Пфальц, Центром политического образования земли Рейнланд-Пфальц, Академией наук и литературы в г. Майнц и немецким PEN-клубом провели однодневную акцию “Писатели – за демократию, против насилия”. Она поддержала программу 2001 г. “Культура против правых”, в которой приняли участие также Гессенское радио, общины евангелической церкви, и предприятий Франкфурта-на-Майне. С апреля 2001г. в библиотеке имеется уголок “Чужой”, содержащий литературу по вопросам ксенофобии, правого экстремизма, расизма и проч. Он постоянно пополняется новыми документами.

Деятельность Мюнхенской городской библиотеки можно было бы обозначить лозунгом – “За межкультурное общение!” С 1980-х годов в ней проходят кинофестивали, являющиеся одними из главных составляющих межкультурной работы – Недели греческого кино, Недели турецкого кино, Кинофестивали стран Средиземноморья. Широко известны их недели пропаганды национальной книги – например, чешской. В числе значимой деятельности упоминается сотрудничество с Британским советом: создание проекта “Мечты и команды”. Хотя между двумя странами и существуют тесные политические и экономические отношения, тем не менее, в отношениях граждан этих есть существенные проблемы; проект же знакомит граждан обеих стран на почве общих интересов. Значимость его в том, что, во-первых, он просветительский – Мюнхен является футбольной столицей страны, а в отношениях английских и немецких болельщиков футбол часто служит громоотводом страстей. Во-вторых, он “превентивный”: завязав какие-то отношения, касающиеся общих интересов, болельщикам может стать психологически затруднительно устраивать дебоши при наличии хотя бы формального знакомства; во всяком случае, организаторы уповают, в том числе и на это.

Любопытно, что в немецких библиотеках – крупных и малых – уделяется серьезное внимание работе с детьми. Так, так же Мюнхенская библиотека провела целый ряд мероприятий для детей по знакомству с г. Хараре (Зимбабве), побратимом которого является Мюнхен; в библиотеке общины Вестерверлединген проводили работу с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Ставились инсценировки по детским книгам, посвященным проблемам идентичности; проводился проект “Истории со всего света – книги со всего света”, был объявлен творческий конкурс “Папа, кто такой иностранец?”(55).

Особый интерес представлял бы опыт скандинавских стран. Во-первых, потому, что потому, что он имел существенное значение в практическом смысле.

Судьбы скандинавских народов последние 400 лет тесно переплетались друг с другом; зачастую несколько раз в течение столетия территории теперешних суверенных государств переходили из юрисдикции одной страны в ведение другого государства; граждане сравнительно свободно перемещались по территории Северной Европы и поэтому толерантность, многокультурность были для них органично привычными явлениями. Во-вторых, в силу вышеупомянутого обстоятельства эти страны уважают права даже не самых больших этнических меньшинств, учитывая их права в той же степени, как и интересы большинства. В-третьих, их отличает сильная политика социальной защиты всего без исключения населения. В-четвертых, в этих странах сложились интересные формы работы с населением, не похожие ни на какие другие формы обслуживания в мире. Публичные библиотеки и клубы по интересам являются с организационной точки зрения чем-то вроде единого целого. В них читатели могут и одновременно ознакомиться с источниками по данному вопросу, и заняться непосредственным воплощением в жизнь собственных замыслов – все это было задумано еще чуть ли не на заре XX века, когда властям Скандинавии приходилось сталкиваться со сложностями развития индустриального общества.

К сожалению, скандинавский опыт не очень широко освещается в печати: сами скандинавы, видимо, полагают положение дел естественным и не привлекают к ней особого внимания.

В Швеции национальная политика базируется на основе мультикультурализма. Политика Швеции по национальному вопросу руководствуется тремя принципами:

- равенство между иммигрантами и шведами;
- свобода выбора культурного развития иммигрантов;
- сотрудничество и солидарность между коренным населением Швеции и различными этническими группами.

В Швеции на 10 языках выходит газета для иммигрантов; обучение школьников носит двуязычный характер; в 1980-х принят закон, препятствующий этнической дискриминации иммигрантов на работе и во всех сферах жизни.

В Финляндии национальные меньшинства и иммигранты представлены слабее, но их права уважаются не менее, чем в Швеции. Практически можно говорить о финско-шведском двуязычии; причем от уровня повседневного пользования до регистрации правительственных решений – они ведутся на двух языках сразу. Языковое соотношение книг в библиотеках этой страны зависит от национального соотношения граждан в обслуживаемых ими общинах.

Выводы:

Таким образом, можно говорить о том, что в практической деятельности библиотек обязательно учитывается наличие иноязычных общин на территории, обслуживаемой библиотекой. Решать проблемы знакомства с культурами других стран приходится библиотекам всех уровней и подчинения – от отражения культурного плюрализма, толерантности и многоязычия в концепциях библиотек статуса национальных до проведения мероприятий культурно-просветительского и ознакомительного свойства в библиотеках малых общин и детских библиотеках. При этом библиотекам приходится учитывать фактор множественности цивилизаций, соседствующих рядом, вне зависимости от того, руководствуется правительство принципами мультикультурализма или нет.

Несмотря на значительный благоприобретенный политический, юридический и культурный опыт, в обслуживании многонационального населения стран мира еще

есть достойные образцы для заимствования и практические достижения, раскрыть которые нам еще предстоит.

Мультикультурное обслуживание полиэтнического населения в России

Почти сразу же после обретения библиотеками суверенных республик статуса национальных они получили ощутимую поддержку правительств, национально-культурной общественности и населения этих республик. Они продолжили работу по изучению и развитию национальной печати и активно включились в инновационную деятельность.

Национальные библиотеки автономных республик и округов тесно связаны с традициями, языком, культурами народов, их населяющих, несут ответственность за воспитание уважения к национально-культурным традициям народов, населяющих страну.

Именно эти особенности наложили свой отпечаток на своеобразие деятельности библиотек.

Как региональные научные центры, библиотеки автономных республик комплектуют фонды с наиболее возможной полнотой литературой на иностранном, русском и национальных языках, иногда выполняя функции книжных палат, что дает им возможность обеспечить полноту картины книгоиздания в определенные периоды времени в этих республиках. Многие из них вновь обратились к своей деятельности по хранению, комплектованию, формированию фондов национального репертуара и экстериорике.

Любопытно и достойно внимания то обстоятельство, что формирование фондов, изучение читателя, в том числе и современной маркетинговой методикой и библиометрическими способами, активнее всего производится в библиотеках тех республик, научная и общественная которых принимает участие в программах и объединениях – зачастую международного уровня – и связанных с возрождением внимания к национальной идентичности. Речь идет об участии в международных проектах по сохранению культурного наследия финноугорских народов, в международном объединении “Тюрксой”, целью которого является укрепление связей между тюркоязычными народами. Это участие может влиять на библиотеки в идейном плане: у них появляется стимул для более качественной деятельности. Сохраненные, преумноженные и улучшенные фонды, с одной стороны, формируются под влиянием читательского спроса; с другой стороны – ведущиеся изыскания в стране заставляют более пристально относиться в перспективному и дополняющему фонды комплектованию. Кроме того, представляется вполне возможным, что многие локальные проекты в библиотеке могут (и должны) заключаться совместно с научными учреждениями и организациями на договорной основе, что благотворно отражается как на деятельности библиотек, так и их партнеров. Они более активны как в отношении традиционного пополнения фондов, так и при осуществлении инициатив в области книгообмена.

Так, например, НБ Якутия в соответствии с программой “Национальные фонды” создает коллекцию национального ”Сандалы Бичик”, включающий документы, посвященные Якутии и изданные в России, ближнем и дальнем зарубежье. За 10 лет этот фонд составил 18,7 тыс. единиц хранения. Этот фонд располагает правом приоритетного комплектования из любых источников и предназначен для полного и постоянного хранения в республике.

Уникальный фонд татарской книги сформирован в республике Татарстан. Он составляет более 87 тыс. экземпляров, включая татарскую литературу на арабице, кириллице и латинице, в том числе и дореволюционную. Всего фонд этой библиотеки составил на 2001г. 3 150 157 экз. документов, в том числе на русском языке – 2 982 480, на татарском - 85 774; годичный прирост фонда составил почти 16 тыс. экземпляров.

В рамках проекта “Память нации” ведется работа по комплектованию и развитию фонда Удмуртской НБ и НБ Карелии.

Удмуртская национальная библиотека за почти 10 лет действия программы “Память Удмуртии” выявила лакуны фонда, ведется книгообмен с национальными библиотеками и частными лицами в 18 странах мира. Основная часть фонда выросла на 5 тыс. экземпляров, а фонд экстерииорики 1 тыс. экземпляров. Национальная библиотека Карелии, также пополняя свое собрание путем сотрудничества с зарубежными странами, в 2000г. пополнила свой финно-угорских документов финно-угорских библиотек Российской Федерации”.

Все библиотеки ведут активное международное сотрудничество в самых разнообразных областях деятельности. Национальная библиотека Карелии принимает активное участие в проектах скандинавских стран, активно сотрудничает в международных проектах библиотечных школ региона Баренцева моря. Республиканская библиотека Якутии является координатором проекта “Циркумполярная культура народов Арктики и Севера”. Подписан договор между национальной библиотекой Бурятии и Государственной центральной библиотеки Монголии. Татарская национальная библиотека комплектует свои фонды путем международного книгообмена (60 партнеров в России, 26 в зарубежных странах).

Национальные библиотеки выступают инициаторами принятия законов о комплектовании и сохранности фондов на республиканском уровне. Так, например, по инициативе Мордовской национальной библиотеки правительством республики была принята “Программа сохранности фондов Республики Мордовия на 2001-2005 гг.”, национальная библиотека Бурятии способствовала постановлению Правительства республики “Об обеспечении сохранности и безопасности библиотечных фондов”(2001).

Библиотеки продолжили активную деятельность по представлению источников национальной библиографии республик как в традиционной, так и в электронной форме. Татарская национальная библиотека участвует в создании государственной библиографии “Летопись печати Татарстана”, ежегодно ею готовится ежеквартальник “Татарстан в летописи других республик”. Национальная библиотека Удмуртии с 1999г. создает “Сводный электронный каталог финно-угорских документов”. В национальной библиотеке Якутии продолжена традиция составления текущей и ретроспективной библиографии республики и на ее основе – автоматизированной региональной базе данных. Национальная библиотека Марий Эл выпускает в электронной форме ретроспективный указатель “Марийская республика”, с 1996г. как национальной книжной палатой, ею издается летопись печати республики. Хакасская республиканская библиотека, реформировав библиографическую службу, в 2000г. издала летопись печати за 1997 г., готовятся выпуски летописи за 1998-2000 гг.

Следует сказать, что библиотеки автономных республик не занимаются исключительно законотворчеством в области библиотечного дела, проблемами своих собственных книжных собраний и раскрытия их содержания в печати. Можно выделить следующие инновационные направления деятельности библиотек:

- разработка и формирование концепций культурного развития национальных регионов;
- изучение взаимодействий национальных книжных культур и культуры русского народа;
- реализация издательской деятельности по выпуску методических пособий, в основном, по работе с краеведческой тематикой для разных категорий населения.
- изучение и обеспечение литературой читателя диаспоры титульной нации;

Прежде всего, следует отметить, что в отношении разработки и формирований культурного развития национальных регионов можно говорить о прорыве в профессиональном сознании библиотечного дела, сравнительно с другими общественными дисциплинами. Хотя во многом эти публикации и декларативны, тем не менее, они значимы. Во-первых, анализируется именно положительный опыт взаимодействия культур в полиэтнических регионах. Как мы уже отмечали в первой части исследования, ныне основные силы социологов и исследователей общественных взаимодействий еще только начинают разворачиваться. Во-вторых, четко определяется общественная роль библиотек в возможном заимствовании и распространении положительного опыта. В-третьих, в качестве идеологии используются знакомые населению изучаемых территорий религиозные и философские доктрины. Речь о серии публикаций К.О.Омарова (99,100), А.П.Цветкова и Т.Агаева(73). Они исходят из того, что современная Россия – держава многонациональная, и каждый народ, проживающий на ее территории играет собственную роль в обеспечении ее развития в условиях единой государственности. Т.Агаев, директор Республиканской библиотеки Дагестана полагает, что без четкой и продуманной национальной политики, учитывающей интересы и перспективы развития всех народов, невозможно обеспечить принципы безопасности страны, и полагает, что национальные отношения – это индикатор состояния общества. Он видит миссию библиотек в осуществлении просветительства, в умении противопоставить агрессивным религиозным доктринам разумные толкования религиозных и философских доктрин, умение работать с разными народами республики, используя наработки мирного сосуществования народов Дагестана. А.П.Цветков, проректор по научно-исследовательской работе Таврического института бизнеса (Симферополь), разработал средиземноморскую концепцию сосуществования наций на территории Крымского полуострова как национально консолидирующую и интегрирующую идею, объединяющей мусульман, христиан и иудеев полуострова. К.О.Омаров, активный участник конференций Библиотечной ассоциации Евразии, отмечает, что проблема культуры межнационального общения является одной из самой актуализированной. Он полагает библиотеки как один из стимулирующих факторов, способствующих религиозному и светскому просвещению и обеспечивающих преемственность традиций толерантности в регионе, способных обратиться практически к любому из социальных групп населения.

В этом свете особый интерес представляет реализация программ по изучению этнических взаимодействий народов автономных республик и образований и русской культур. Это программы, реализуемые национальными библиотеками: “Сохранение и развитие национальных культур народов России: “Межнациональное и международное сотрудничество” (Чувашия), “История печати Олонецкой губернии до 1917 г.: Старопечатные издания в фондах национальной библиотеки” (Карелия), “Книжная культура Якутии в XV111-XX веках” (Якутия), “Чингизхан в истории цивилизации” (Бурятия).

Вся эта деятельность – и на уровне предлагаемых концепций, и на уровне практической реализации программ – не могла не вызвать ответного интереса к количественному и качественному наполнению коллекций изданий на языках народов России в библиотеках, располагающих статусом национальных – таких, как Российская государственная библиотека и Российская национальная библиотека.

Итогом проведенных ими исследований можно считать выводы о необходимости более рациональной организации хранения фондов и оцифровки части собраний для участия библиотек в международных программах по улучшению доступа к этим материалам в сети.

Библиотеками ведется серьезная методическая работа по пропаганде своего опыта в области комплектования и изучения фонда, работе с читателями и формированию собственных концепций и программ их реализации в каждом определенном регионе страны. В этом отношении имеет значение выходящий 1 раз в полгода информационный бюллетень НБ Республики Татарстан “Библиотечный вестник” (с 1996г.).

Между тем процессы по формированию фондов национальной литературы помогла не только раскрыть фонды, пополнить коллекции, но и определить современную издательскую политику в этом направлении. Можно говорить о парадоксальной ситуации. С одной стороны, национально-культурное возрождение, интерес к обретению национальной самоидентификации, порождают и интерес к национальной литературе. С другой стороны, в библиотеки, по большей части вне национально-территориальных образований, попадает недостаточно литературы на языках народов России. Сами библиотеки, занимающиеся изучением потребности в литературе, еще находятся на начальной стадии изучения читательских потребностей, особенно диаспор. Так, интересны и значимы исследования “Чтение и читательский спрос чувашской диаспоры в регионах России”, “Чувашская диаспора: информационная и культурная поддержка населения” (Чувашия), “Чтение и издание литературы на родном и родственном языках”, “Проблема читателеведения национальной библиотеки” (Коми), “Читатель и чтение в многонациональной республике” (Якутия), “Изучение влияния корпоративной культуры библиотеки на развитие персонала” (Удмуртия), обширные программы Национальной библиотеке Татарстана по изучению читателей на территории республики и диаспоры за ее пределами.

Итоги исследований были проанализированы И.И.Ганицкой (84). Первоначальные исследования показали, что, во-первых, издание подобных изданий нерентабельно в силу ее небольших тиражей. Во-вторых, за повышением интереса к литературе на языках народов России в первой половине 1990-х последовало его падение уже к концу 1990-х. В-третьих, существуют проблемы с рекламой и оптово-розничным книгораспространением литературы на языках народов России.

Между тем существует также и государственная надобность в изучении данного рода потребностей литературы. “В последние годы в связи с формированием постепенной реализацией Концепции распределенного библиотечного фонда Российской Федерации стало очевидным, что ни одна библиотека не может самостоятельно обеспечивать всю полноту комплектования выходящей литературы. В библиотечной среде широко распространилось мнение, что будущее библиотек не во владении фондами, а в обеспечении доступа к информации.” Предполагается разумное равновесие между доступом, который гарантирует взаимовыгодное сотрудничество для библиотек, а с другой – полноту удовлетворения запросов пользователей.

Между тем существует несколько подходов к изучению читательских потребностей национальных меньшинств. Очень условно их можно назвать следующим образом – “канадский” и “советский”.

“Канадский подход” был представлен в статье Ю.Дилевко и К.Дали (70) на факультете Информационных исследований в Университете Торонто. Она посвящена формированию собраний на языках малочисленных народов с точки зрения персонала библиотек в публичных канадских библиотеках и призвана корректировать политику комплектования в соотношении с демографической динамикой на территории, обслуживаемой публичными библиотеками.

“Советский” опыт может быть полезен тем, кто занимается обслуживанием национальных меньшинств в местах их компактного проживания. Это результаты исследования Государственной библиотеки Казахской ССР им. А.С.Пушкина по комплектованию и использованию литературы на уйгурском языке в библиотеке ЦБС сельских районов Казахстана. Программа должна была изучить:

“1) оптимальный объем, состав, соотношение разделов фонда литературы на уйгурском языке в районных и сельских районах библиотеках-филиалах с учетом реального и потенциального читательского спроса; 2) обращаемость и пути повышения эффективности книжного фонда на уйгурском языке; 3) рациональную экзemplарность книг на уйгурском языке; 4) состав жителей, пользующихся литературой на уйгурском языке; 5) эффективность различных источников комплектования.”

Исследование осуществлялось на основании статистико-аналитических методов, анкетирования, анализа документации, сверки выборочного списка изданий (ядра) на уйгурском языке со справочным аппаратом библиотеки.

Проводился сравнительный анализ сопоставления общих фондов библиотеки и фондов на уйгурском языке, процент читателей, использующих его в повседневной практике, процент уйгуров в числе жителей региона, приводятся сведения о книговыдаче и книгообращаемости литературой, изучались абонементы читателей-уйгуров с демографических и образовательных точек зрения. По итогам осуществленного исследования был представлен рекомендательный список книг на переиздание в соответствии с запросами читателей-уйгуров на местах.

Выводы:

Вопросы изучения потребностей читателей в литературе на языках малых народов России является не только библиотечно-издательским и общественными потребностями. Во многом это вызов времени – потребность в них ощущается как вызов времени, с одной стороны, в свете развития концепций мирного сосуществования разных культур и религий на полиэтнической территории России. С другой стороны, точное знание самого социологического лица пользователей библиотек необходимо в свете новейших программ развития библиотечно-издательского дела.

На этом пути представляются приемлемыми как заимствования из разных областей и сфер человеческой жизни, так и использование традиционных библиотечных методов изучения читателей и их мнений.

Список использованной литературы:

Общие работы.

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма.—М.,2001.—288с.
2. Аракелян О.В.,Бабилаева А.Н. Поликультурное образование и этнопсихология.—М.,2002.—188с. Поликультурное образование как оптимальная модель решения этнопсихологических и этнокультурных проблем. Этническая психология как социальный феномен.
3. Ахапкин Ю.К. Язык культуры выживания / РАН, Акад. проблем. сохранения жизни. – Пушкино,2002. – 81с. Трудности создания метаязыка культуры и сохранения жизни. Средства взаимодействия и диалога мировых культур, конфессий, учений, этносов. Культура и цивилизация.культура как высшая реальность.
4. Венецкая Э.Ю. Этнолингвистические проблемы в полиэтнических государствах: Опыт политико-правового регулирования: Автореф.дисс....канд.полит.наук / Рос.гос.акад. гос.службы при Президенте Российской Федерации.— М.,2002.—24 с. Место и роль языка в развитии нации. Процесс формирования и функционирования двуязычия в России. Роль языковой политики как составной части национальной политики.особенности этноязыковых процессов в государствах СНГ.
5. Время культуры и культурное пространство: Сб. тез. докл. междунар. практ. конф. (11-13 декабря 2000; Москва)/МГУКИ.—М.,2000. – 254 с.
6. Гавриленко Н.Н. Политика мультикультурализма в Канаде (1960-1990-е гг.)/Вест.Санкт-Петербург. ун-та. Сер.6.Филология, политология, социал.психология, право.— 2000.—Вып.1.—С.136-141.
7. Галиев Г.Т., Сперанский В.И. Межэтнические отношения как объект социальной технологии/Башк.гос.ун-т.—Уфа, 2001.— 284 с.
8. Герандоков М.Г., Герандокова В.З. Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность / Ин-т гуманитар. исследований Правительства Кабардино-Балкарии.—Нальчик, 2003. – 202с. О реальной значимости доктрины культурной революции (явившейся составной частью ленинских концепций социальных преобразований) в национальных регионах. Обзор современного состояния национальных культур и актуальных для региона проблем (прежде всего, в области образования).
9. Горелова Т.А. Диалогическая основа межкультурных взаимодействий: Автореф.дисс. ... канд.филос.наук/МГУ им.М.В.Ломоносова.—М.,1998.—22с. Основопологающая роль языка в культуре и становлении человеческой духовности.В контексте межкультурной динамики проанализированы труды философов XV111 в., в которых были заложены основы спекулятивных рефлексий в сфере взаимодействия культур. Описание мировой культуры как единства глобальных региональных систем – Север-Юг, Восток-Запад –определяющих характер мировых межкультурных отношений. Диалог как способ сосуществования уникальных культур.
10. Гунина Л.А. Национальные особенности межкультурной коммуникации // Научная мысль Кавказа: Приложение. – 2003. – 37.—С.17-23. Национальная специфика коммуникативного поведения. Межкультурная коммуникация как залог стабильности межнациональных отношений.
11. Даен Д.В. Этническая идентичность в контексте развития национально-культурных объединений: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Саратов. гос. техн. ун-т. – Саратов, 2003. – 20 с. Этничность в контексте конвергенции примордиализма и конструктивизма. Структурные компоненты и социальные

функции этнической идентичности. Типология национально-культурных объединений (на примере немцев Поволжья). Специфика процессов этнической самоидентификации.

12. Едыгова Н.П. Воспитание межнациональной толерантности в поликультурной подростковой среде: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. / Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2002. – 22с. Динамика социальной идентификации и стиля поведения людей разного возраста и различной национальной принадлежности, проживающих в Республике Адыгея. Возрастные закономерности изменения признаков этнической социализации.

13. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира: Сб.ст. / РАН, Ин-т языкознания; Отв.ред. Уфимцева Н.В. – М., 2000. – С.39-55.

14. Канада: взгляд из России. – М., 2002. – 288с.

15. Карлов Н.Н. Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии (К проблеме самосознания науки) // Этнографическое обозрение. – 2000. – №4. – С.3-21. Место этнологии в системе знаний об этнонациональном развитии человечества, этнокультурном многообразии мира. Уточнение понятийно-терминологического аппарата. Политические и идеологические резоны манипулирования понятием “нация”. конструктивизм в антропологии как детище модернизма, также основанное на тезисах о фрагментарности мира, возведенное в абсолют, а потому бесплодное.

16. Кожемякин Е.А. Культурологический анализ дискурсивной практики личности в межкультурных коммуникациях: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук / Белгор. гос. ун-т. – Белгород, 2002. – 18 с. Исследование моделей познания межкультурных коммуникаций, выраженных в философии и культурологии моделями общения, социальной информации и коммуникации. Понятие “межкультурное пространство”, выражающее поле реализации межкультурных коммуникаций, определяющих их специфику и динамику. Модели межкультурной коммуникации в условиях культурной неустойчивости. Культурный горизонт личности (культурная идентификация, нормативная зрелость, культурная компетентность) как субъективное основание межкультурных коммуникаций.

17. Кожемякин Е.А. Социальные нормы в системе межкультурных коммуникаций // Социальная коммуникация в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы: материалы Междунар. рос.-пол. науч. симпоз. (13-14 апреля 2000). – Белгород, 2000. – С.57-60. Межкультурная коммуникация как поле возникновения негативных стереотипов, ведущих к межкультурным конфликтам вследствие несовпадения нормативных действий представителей разных культур (расхожих этикетных стандартов поведения).

18. Марков В.И. “Свое” и “чужое” и отчуждение в культуре. – Кемерово, 2002. – 176 с. Отчужденные обратные следствия российских реформ – кризис культуры системная и несистемная парадигмы в культурологии – методология симбиоза как наиболее продуктивная. Уровни бытия культуры и пределы ее системного осмысления. Феноменология отчуждения в культуре: исходные его предпосылки – Восток – Запад. Отчуждения культурных систем. Анализ структуры и вариаций проявления отчужденности и культуросозидающей деятельности человека и в функционировании и эволюции самих культурных систем. Вариации отчуждения: от мессианских замыслов до “культурной усталости”.

19. Мартынова М.Ю. Политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств // Этнические проблемы и политика государств Европы / ИЭА РАН. – М., 1998. – С. 8-39.

20. Межкультурный диалог: Принцип этнокультурной компетентности / РАН; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Сост. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. – М., 2003. – 268 с.

21. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Ин-т этнологии и антропологии; Науч. ред. В.А. Тишков, В.с. Малахов. – М., 2002. – 356 с.

22. Мурин В.Б. Становление системы категорий национальных и региональных отношений. – М., 2001. – 344 с. Анализ содержания категорий сферы национальных отношений: нация, национальный интерес, национальный характер, патриотизм, русское национальное сознание, этнос, национальная безопасность. Рассмотрение национальных отношений как системы. Обзор современных подходов к проблемам федерализма и регионов. Характеристика тенденций развития русского национального самосознания.

23. Нарочницкая Е.А. Национальный фактор в эпоху глобализации // Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты: Проблемно-темат. сб. / РАН ИНИОН. – М., 2000. – С. 102-155.

24. Новиков В.С. Философский анализ проблемы диалога культур: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Современ. гуманитар. ин-т. – М., 2001. – 12 с. “Диалогическая” концепция человека западной культуры. Анализ логико-лингвистического аппарата. Критика традиционно-логического подхода к пониманию человека человеком. Возможность для “западного” человека понять представителя иной культуры с помощью присущих западной культуре методов.

25. Проблемы сохранения вербальной и невербальной традиции этносов: Материалы “круглого стола” Первой междунар. науч. конф. “Язык. Миф. Этнокультура”: К 40-летию фак. романо-герм. филология / Кемеров. гос. ун-т; Отв. ред. Шарикова Л.А. – Кемерово, 2003. – Вып. 1-2.

26. Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Материалы междунар. науч.-метод. конф. (2; 27-28 мая 1999; Сочи) / Сочин. гос. ун-т туризма и курортного дела; Отв. ред. Тюнников Ю.С., Яковенко Г.В. – Сочи, 1999. – 255 с.

27. Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (21-22 ноября 2000; Астрахань) / Администрация Астрах. обл., Астрах. гос. пед. ун-т. – Астрахань, 2000. – 250 с.

28. Савицкая Т. Этнический экстремизм как массовое явление на исходе XX века: Поиск культурных оснований // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения / Рос. гос. б-ка 4 НИО ИНФОРМКУЛЬТУРА. – 2000. – Вып. 3. – С. 3-33. Культурные основания массовизации этнического экстремизма, его социальные и политические корни.

29. Соколовский С.В. Международно-правовые проблемы защиты культуры меньшинств // Права и статус национальных меньшинств в бывшем СССР. – М., 1993.

30. Тадтаев Х.Б. Этнос. Нация. Раса. Национально-культурные особенности детерминации процесса познания. – Саратов, 2001. – 248 с. Затрагиваются вопросы о причинах формирования национально-расовых предрассудков и мифов, о степени корреляции между национально-расовой принадлежностью и особенностями творческого мышления.

31. Философское осмысление судеб цивилизации: Тез. ежегод. науч.-практ. конф. каф. философии РАН (14; 29-30 января 2001; Москва) / РАН.-М., 2001.-202с.

32. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению / РАН, Ин-т философии, Центр по изучению немецкой философии. – М., 2001. – 400с. Проблема восприятия национального начала в европейской философии, социологии, общественном сознании в эпоху Средневековья, Нового времени. Оценка перспектив существования национальной идеи в Европе при сближении понятий истории народа и субстанции нации.

33. Цаллагова З.Б. Этнопедагогический диалог культур / Сев. гос. ун-т. им. К.Л. Хетагурова.-Владикавказ, 2001.-197с.

34. Этнопедагогика и сравнительная педагогика: Поликультурное образование: Тезисы Междунар. конгресса по прогр. “Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуры” (3; 18-21 сентября 2001). – Пятигорск, 2001. – 246с.

35. Якимович А.К. “Свой-чужой” в системах культуры // Вопр. философии. – 2003. – №4. – С.48-60. Синдром противодействия Чужому, Врагу как идеологическое обоснование конфликтов. Слова-проклятия Чужому, зверчеловеку. Версии оппозиции в разных культурах как способ самоутверждения. Мультикультурализм как особо изощренная стратегия доминирования.

Интернет-ресурсы

1. Колев В. Пропать мультикультурализма // www.kolev3.narod.ru/books/gos/5-5html.

2. Кокшаров Н.В. Международный опыт решения культурных аспектов этничности // www.credonar.narod.ru/credonev/01_03/3html

3. Пантин В.И. Универсализм и национально-цивилизационная специфика: возможен ли синтез // www.adenauer.ru

4. Покровская Н.Н. Мультикультурализм как путь глобализации: Тез. докл. на всеросс. конф. “Пресса, государство, культура; мультикультурализм как новая философия взаимодействия (Москва, 11-12 февраля 2002г.) // bic.narod.ru/2001-5_mu_gl.htm

Исторический аспект

5. Дивногорцев А. Завтра была война...: Советско-германские библиотечные связи в 1939 // Библиотека.- 2000.-№8.-С.74-75.

6. Мазурицкий А.М. Каталоги утраченных ценностей культуры: О ценностях культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии // Библиография.- 2000.-№3.-С.111-112.

7. Маннова Э. Культура в полиэтнической среде: периодическая печать и книжная культура / Пер. Богданова И. // История словакии / РАН; Ин-т славяноведения; Науч. ред. Ю. Богданов.- М., 2003.- С.281-284. На примере Словакии, 1848-1918 гг.

8. Crepin T. Le Comite de Defence de la presse pour la jeunesse // Library and culture. – 2001. – Vol.36, N2. – P.131-142. Борьба коммунистов Франции против влияния американских “комиксов” на умы подрастающего поколения в годы после Второй мировой войны.

9. Malone C.K. Autonomy and accomodation: Houston`s coloured Carnegie library, 1907–1922//Library and culture.–1999.–Vol.34,N 2.–P.95-112. Истоия создания и деятельность библиотеки для цветных в Хьюстоне.

10. Pugliesi S.D. Bloodless torture: The book of the Roman ghetto under nazi occupation//Library and culture.–1999.–Vol.34,N 3.–P.241-253. Судьба фондов еврейской литературы библиотек Рима в годы оккупации Италии войсками гитлеровской Германии.

11. Ralff M. Russian and slavic studies in Europe and America before the “Great War”//Biblio.–2000.–Vol.8,N 2.–P.81-113. Развитие славистики и русистики в Западной европе и США, с ХУ111 по первую мировую войну. Роль библиотек в распространении информации о славянских народов.

12. Richards P.S. Cold war librarianship: Soviet-American library activities in support of national foreign policy, 1946-1991// Library and culture.–2001.–Vol.36,N 2.–P.193-203. Идеологическая борьба между СССР и США в 1946-1991ггю и участие в ней библиотек двух стран.

13. Robbins L.S. The overseas libraries controversys and the freedom to read//Library and culture.–2001.–Vol.36,N1.–P.26-39. Политическое и идеологическое давление на библиотеки США в 1945-1955гг.

14. Rochester M.K. The Carnegie corporation and South Africa: non-European library services// Library and culture. – 1999. – Vol.34, N 1.– P.27-51. Финансовая поддержка корпорации Карнеги развития библиотечного обслуживания коренного населения ЮАР в 1920-1930 гг.

15. Shavit D.“The greatest morale factor next to the Red Army”//Library and culture.– 1999.– Vol.34,N2.–P.113-134. О библиотеках в лагерях для военнопленных США и Великобритании в Германии, созданных по инициативе Международного комитета Красного Креста.

16. Shidorshy D. Confiscation of libraries and assignment to forced labor: Two documents of Holocaust//Library and culture.–1998.–Vol.33,N 4.–P.347-388.Документы о конфискации собраний еврейских книг из библиотек Германии в годы нацизма и использования принудительного труда еврейской интеллигенции в библиотеке Главного управления имперской безопасности.

17. Sroka M. The University of Cracow under nazi occupation: 1939-1945//Library and culture.– 1999.–Vol.34,N 1.–P.1-16. Библиотека краковского университета в период оккупации Польши гитлеровскими войсками (1939-1945). Политика гитлеровской администрации по отношению к польской культуре.

Современное состояние

1. Исмаилов Агамехти Мамед-оглы. Издание книг на русском языке в государствах Центральной Азии в постсоветский период: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. –Новосибирск, 2003. – 18 с.

2. Кручинин А. Русские эмигрантские библиотеки в Югославии: опыт и проблемы реконструкции//История библиотек: Сб. науч.тр./ Рос. нац. б-ка; Сост. Матвеева И., Володин Б.; Науч.ред. Матвеев М.– СПб., 2002. – Вып.4. – С.201-208.

3. Руденко Ж.А. Немецкие библиотеки – за толерантность// Библиотеки за рубежом. 2004: Сб/ВГБИЛ им.М.И.Рудомино.–М.,2004. – С.121-137.

4. Фирсов В.Р.Культурная политика Европейского сообщества: нормативное обеспечение деятельности библиотек// Библиотековедение.– 2001.–'2.–С.8-12.

5. Anghelescu H.G. Romanian libraries recover after Cold War: The communist legacy and the road ahead// *Library and culture*.– 2001.–Vol.36,N2.– P.233-252,ill. Развитие библиотечного дела в Румынии в 1990-е.

6. Doury-Bonnet J. Pluralite culturelle et de bibliothekes publics, collections et services//*Bull.bibl.de la France*.–2003.–Т.48, N 5.– P.84-86.

7. Dutch M., Muddiman D. The public library, social exclusion and the information society in the United Kingdom//*Libri*.– 2001.–Vol.51,N 4.–P.183-194. Национальная политика и местные инициативы в публичных библиотеках Великобритании.

8. Hicken M. Equally good// *Publ.library journal*.–2002.–Vol.17,N 2.–P. 51-53.Обзор библиотечных услуг для национальных меньшинств.

9. Lux C. Managing library staff from a different cultural background//*IFLA journal*.–2000.–Vol.26,N 1.–P.21-24. Библиотеки Германии после объединения ФРГ и ГДР осенью 1990 г. Возникновение противоречий и конфликтов между “востоком” и “западом” при слиянии двух берлинских библиотек – Городской библиотеки (Восточный Берлин) и Американской мемориальной библиотеки (Западный Берлин) –Берлинскую центральную и региональную библиотеку.

10. Makinen J.Finland pays its debts and gets books in return//*Library and culture*.–2001.–Vol.36, N 2.–P.211-232. Исторические условия, содержание и результаты благотворительной программы ASLA –грантов по американскому кредиту Финляндии.

11. Malone C.K. Toward a multicultural American public library history//*Library and culture*.– 2000.–Vol.35,N 1.– P.77-87. Мультикультурные подходы в изучении истории публичных библиотек США. Обзор научных исследований.

12. Mason E. Against all odds: refugees coping in a strange land //*American libraries*.– 1999.–Vol.30, N 7.–P.44-47. организация обслуживания беженцев в библиотеках США.

13. May B. Libraries and literacy reaching out//*Cape librarian*.–2001.–Vol.45, N1.– P.12-14. О деятельности публичных библиотек г.Кейптаун.

14. Neubauer W.,Piguet A. The long road to becoming a “Consortion of Swiss university libraries”//*Liber.quaterly*.–2001.–Vol.1,N 1.–P.87-97.Особенности политико-административного устройства Швейцарии и его влияние на процесс развития межбиблиотечного сотрудничества в стране.

15. Ortmanns-Dohrmann A. Project 2002: “Global denken-lokal Landeln!”/Parners charkt mit Afrika in dritten Jahrtausend//*Prolibris*.–2003.–Jg.8,N 2.–S.76-77. О прикосновении в Германии к культуре Африки.

16. Sturges P. The powerty of librarianship: anhistorical critique of public librarian ship in Anglophone Africa//*Libri*.–2001.–Vol.51,N 1.–P.38-48. Организация библиотечного обслуживания широких кругов населения в англоязычных странах Африки – Зимбабве, Гане, Кении, Танзании, Уганде, Лесото, Ботсване.

17. Usherwood B.,Linley R. Evaluating equity in public library services//*Journal of librarianship and information science*.– 2000.–Vol.32,N 2.–P.72-81. Обеспечение равных возможностей пользования библиотекой для отдельных катгорий читателей: инвалидов, престарелых, представителей этнических меньшинств, сельских жителей (сопоставительный анализ) ситуации в публичных библиотеках г.Ньюкасл-апон-Тайн и Сомерсетшир.

Итоги исследования, проведенного на факультете информатики Шеффилдского университета (Шотландия).

Канада

18. Dilevko J., Dali K. The challenge of building multilingual collection in Canadian public libraries// Library resources and technical services.–2002.–Vol.46,N 4.–P.116-137. Формирование фондов в литературе на иностранных языках в публичных библиотеках Канады. По результатам анкетирования.

Австралия

19. Польская Ю.С. Библиотечно-информационное обслуживание коренного населения Австралии: роль библиотек в процессе национального примирения.// Библиотеки за рубежом. 2004: Сб/ВГБИЛ им.М.И.Рудомино.– М.,2004. – С.138-162.

20. Lambert M. Kormilda college: IT education towards tomorrow //Australian library journal.–2001.–Vol/50,N 1.–P.31-41. Стратегия обучения информационным технологиям учащихся, представителей коренного населения в одной из северных территорий Австралии.

Библиотечное обслуживание многонационального населения в России.

21. Агаев Г.Наша роль в обеспечении спокойствия в регионе: Директор респ. б-ки Дагестана о роли библиотек в развитии национальных отношений на Северном Кавказе // Библиотека.–2000.–№11.–С.10-12.

22. Алексеева С. Информационная работа в фсере культуры Якутии [Возможности библиотек]//Библиотековедение. – 2002.–№5.–С.93-94.

23. Асватуров А.С. Обслуживание литературой на языках народов России: опыт Санкт-Петербурга//Библиотечное обслуживание на рубеже XXI века: Проблемы и перспективы. Материалы науч-практ.конф.(Санкт-Петербург, 22-24 мая 2000г.) / Рос.нац.б-ка; Сост и ред.Соколова Т.В. – Спб., 2002.–С.52-54.

24. Асватурова А. Книги тюркских народов России и бывшего СССР в фонде Российской национальной библиотеки // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2001. – №1. – С.43-47.

25. Багаева Р., Валеев Р. Наши абоненты – весь мир [Обслуживание читателей в Национальной библиотеке Республики Татарстан] // Библиотека. – 2002.– №3. – С.13-16.

26. Библиотечное краеведение Мордовии: Вып 8.: [Сб.]/Нац.б-ка им.А.С.Пушкина, Респ. Мордовия; Сост.Орехова Л.М.–Саранск,2000.–64 с. – НИО ИНФОРМКУЛЬТУРА.–№8248.

27. Бородина С. Концепция обслуживания читателей в полиэтническом регионе как объект социокультурного программирования // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: М-лы. Всеросс.электрон. науч. - практ. конф.[2; Самара; апр.- сент.2003]/М-во культуры РФ;Самар.гос.ун-т культуры и искусств.–Самара,2003.–С.11-18.

28. Валеева Н. Земское библиотечное дело в уездах Вятской губернии (1867-1917): Автореф.дисс. ...канд.пед.наук / Казан.гос.акад.культуры и

искусств.–Казань,2002.–22 с. Анализ книгоиздат.деят.Вятского земства,выпуски первых книг для нерусского населения.

29. Ведерникова Л. Законодательные основы деятельности библиотек Пермской области // Правовые аспекты деятельности библиотек: Сб.науч.статей / Рос.гос.б-ка;Науч.-исслед.отд.библиотековедения; Сост.Бойкова О. – М.,2002.–С.40-43.

30. Ганицкая И.И., Райкова Г.А. Библиотечное обслуживание многонационального населения России: концептуальные подходы к проблемам // Культура: от информации к знаниям: Тез. и сообщ./ Рос.гос.б-ка, Сост. Тихонова Л.–М.,2003.–С.36-41.

31. Ганицкая И.И. Направления развития национальных библиотек Российской Федерации // Библиотека.–2002.–№10.– С.53-54;№11.–С.46-49.

32. Ганицкая И.И. Национальные библиотеки республик Российской Федерации: этнокультурный аспект//Библиотечное дело- XX1 век: Науч.-практ. сб../Рос.гос.б-ка; Сост.и науч.ред. Осипова И.– М.,2002.–Вып.4.–С.21-36.

33. Деомидова А.А. Библиотека в культурном взаимодействии народов: Проблемы удовлетворения читательских интересов татарской и мордовской диаспор в библиотеках Чувашии // Чувашская республика на рубеже тысячелетий: история, экономика,культура: Тез.Междунар.науч.-практ.конф.,посв.80-летию Чувашской республики, 22 июня 2000г./М-во экономики Чувашской Республики, Нац.акад.наук и искусств Чувашской Республики. – Чебоксары, 2000.–С.337-339.

34. Доначева Н.И.,Нугаева В.К. Книги говорят разом и на всех языках мира // Путь длиной в 100 лет, [1899-1999]: Сб.ст./ Нац.б-ка им.А.С.Пушкина Респ.Мордовия. – Саранск, 1999.– С. 68-74.

35. Киселева Т. Глобализация общества и культура мира: Роль библиотечного сообщества в этих процессах // Библиотековедение.–2002.–№5.– С.8-19.

36. Книжная культура Бурятии: В 2-х тт.: Мат-лы регион.науч.-практ.конф.(2; 6-9 июля 2000г.,Улан-Удэ) / М-во культуры РФ,Вост-Сиб.института культуры и искусств;Отв.ред.Ажеева Р.Б.–Улан-Удэ,2000.

37. Кожевникова Ю.А. Молодежь города Уфы: Штрихи к социальному портрету.–Уфа, 2001. – 76 с. Изучение и анализ проблем молодых граждан города Уфы.

38. Коми национальная литература: Востребованность и степень удовлетворения спроса в чтении детей и подростков: Программа и результаты исследования (1998-2000г.)/Нац.б-ка Респ.Коми им С.Я.Маршака;Сост.Рочева С.Н., Залесская М.Н.– Сыктывкар,2001.–19 с. – НИЦ ИНФОРМКУЛЬТУРА.– №8541.

39. “Кто ты, наш читатель?": Результат исследования читателя и личностных интересов подростков (11-15 лет) – читателей абонемента Нац. дет. б-ка Респ. Коми им.С.Я.Маршака /Сост.Тонкова Г.А.– Сыктывкар,2001.–8с.– НИЦ ИНФОРМКУЛЬТУРА.– №8547.

40. Лихоманов А.В. Читатели-иностранцы в российской национальной библиотеке // Библиотечное обслуживание на рубеже XX1 века: Проблемы и перспективы: М-лы науч.-практ.конф (Санкт-Петербург, 22-24 мая 2000г.) / Рос.нац.б-ка; Сост. и ред. Соколова Г.В.– Спб., 2002.– С.82-87.

41. Матлина С. Публичные библиотеки в контексте культурных традиций региона // Библиотеки и общество в России 90-х гг. XX века: М-лы семинара, Москва, 2-3 декабря 2003г.–М., 1994.–С.44-52.
42. Мирзаев А.Р., Омаров К.О. Общедоступная библиотека в информационном пространстве поликультурного образования // Парадигмы XXI века: Информационное общество, информационное мировоззрение, информационная культура : М-лы междунар. науч.конф. [16-18 сент. 2002 г.,Россия, Краснодар] / Краснодар. гос. акад. культуры и искусства; Науч.ред. Горлова И., Зубов Ю., Михлина И. – Краснодар, 2002. – С.351-353.
43. Мотульский Р. Библиотека в социуме: Предназначение и функции //Библиотекосведение.–2002.–№5.–С.19-24.
44. Нахтигаль А.Я. Взаимодействие национальных культурных центров с органами власти в проведении национальной политики в Челябинской области // Материалы депутатских слушаний по вопросам развития культуры и искусства в Челябинской области: (Челябинск, 20 окт.1999г.) /Законодат. Собр. Челябинск.обл.; Под общ. ред. Куравина Ф.В. – Челябинск, 2001. – С.43-73. О положении единственной библиотеки татарской и башкирской литературы, проблемы с формированием фондов на национальных языках.
45. Никонорова Е.В. Задачи библиотек в свете концепции мультикультурализма // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии.–2002.–№2.– С.26-29.
46. Никонорова Е.,Фокеев В. Культура мира в информационно-библиографическом освещении // Библиография.–2000.–№4.–С.3-12. Миротворческие возможности библиотечно-библиографических учреждений.
47. Омаров К.О.,Омарова З.К. Образовательно-информационная функция библиотек в сиситеме формирования культуры межнационального общения: сравнительно-исторический аспект //Парадигмы XXI века.–Краснодар,2002.– С.348-351.
48. Омаров К.О. Конференция по библиотечному регитоноведению в Дагестанском государственном университете // Библиотекосведение. – 1998. – №2.– С.110-112. О конференции “Проблемы регионального размещения и использования библиотечно-библиографических ресурсов в контексте исторического опыта гуманитарных функций библиотек(14-15 декабря 1997г.Махачкала).
49. Осипова М. Сведения о количественном составе фонда библиотеки Северных стран: [Литература из библиотеки Норвежского-Поморского центра Поморского гос.ун-та,Архангельск] // Свеча-2000: Истоки: Религия и образование в культуре Баренцева региона: Сб.науч. и метод статей по религиоведению и культурологии / М-во образования РФ; Поморский гос.ун-т им.М.В.Ломоносова; Отв.ред.Аринин Е. – Архангельск, 2001.– Вып.2.– С.145.
50. Осокина Н. Истоки будущих успехов в делах сегодняшних: [Социол.мини-исследования в практике ЦБС г.Гурьевска Кемеровской области]//Библиотека.– 2001.– №9.– С.60-61.
51. Рекомендации Всеросс. науч.-практ. конф. “Детская библиотека и сохранение национально-культурного наследия края” (Нижний Новгород, 19-21 сент. 2001г.)// Дет. библиотека. – 2001. – 33.–С.5-7.
52. Рыбалка В. Марийская деревня (1946-1965): Материальное положение колхозного крестьянства и культурно-просветительная работа: Монография: Справочник / Науч.ред. Нефедов С. – 2-е изд., доп.– Йошкар-Ола, 2002.– 262 с.

53. Селиверстова Н. Книга в социокультурном взаимодействии России со странами ближнего зарубежья/моск.гуманит.-социал.академия. – М.,2001.–125 с.
54. Смелова Т.В. Анализ состава фондов местной печати в библиотеках Алтайского края // Проблемы научно-исследовательской работы библиотек Алтая, 2001: Сб.ст./Алтайск.краев. университет.науч.б-ка им.В.Я.Шишкова;Ред-сост.Жеребьятьева Н.А.–Барнаул,2001.–С.18-21.
55. Соловьев В. Сто языков российской книги//Библиотека.–2000.–№4.– С.11-13.
56. Старцев А.Ф, Истоия социально-экономического и культурного развития удэгейцев (сер. Х1Х-ХХ века) /РАН Дальневост.отделение, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 2000.– 256 с. – В том числе и развитие библиотечного дела в удэгейских поселениях,начиная с сер.1930-х гг. до наших дней.
57. Файзуллина И.И. Просим пожаловать в центры национальных культур! [О краеведении в Центральной детской библиотеке Республике Татарстан]//Библиотека.–2003.–№7.–С.56.
58. Федотов Б. Чтение в Чечне в войсках МВД: из истории вопроса // Книжный мир сегодня и завтра: Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения: [10; Москва]: Тез.докл. / РАН, Рос. кн. палата; Ред.- сост. Васильев В.,Матрюхин Г. и др.– М.,2002.–С.201-203.
59. Хачкинаян О.Богат талантами район // Библиотека. – 2000. – №5.– С.60-61. Краеведческая работа в Центральной библиотеке Мясниковской ЦБС Ростовской области, посвященная армянской диаспоре.
60. Чаднова И.В. Мультикультурное обслуживание в библиотеках СНГ// Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии.–2002.–№2.– С.30-32.
61. Чебышева Е. История создания и развития фонда литературы на языках народов бывшего СССР в РГБ // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии.–2002.–№1.–С.22-25.
62. Чудинова В.П. Дети и библиотеки: аналог социокультурных процессов // Библиотечное обслуживание на рубеже ХХ1 века: Проблемы и перспективы: М-лы науч.-прак.конф.(Санкт-Петербург, 22-24 мая 2000г.) / Рос.нац.б-ка; Сост.и ред.Соколова Т.В. – Спб.,2002. – С.106-111.
63. Шрайберг Я.Л. Библиотечно-информационная супермагистраль Россия/СНГ – США в ХХ1 веке: концептуальный подход и практическая реализация // Научн. и техн. б-ки. – 2000. – №1.– С.31-46.

* Данный термин малоупотребителен, но его употребление в данном контексте представляется более экономичным, чем утвердившийся оборот “страны СНГ, Балтии и Восточной Европы”

** Имеются в виду как произведения и творения самих аборигенов, так и литература о них, этнографические записи, рисунки и т.д.